

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ

Федеральное государственное образовательное учреждение высшего
образования
«КРАСНОЯРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. В.П. Астафьева»
(КГПУ им. В.П. Астафьева)
Филологический факультет
Кафедра общего языкознания

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА

Особенности функционирования разговорной речи в текста М.М. Зощенко
(материалы для элективного курса в 10 – 11 классах СОШ)

Направление: 44.03.05 Педагогическое образование

Направленность (профиль): Русский язык и литература

ДОПУСКАЮ К ЗАЩИТЕ

зав. кафедрой
общего языкознания

Васильева С. П.,
профессор

доктор филологических наук

24.05.2019 С.Вал

(дата, подпись)

Научный руководитель:

Васильев А. Д.,
профессор

доктор филологических наук

Дата защиты: 19.06.2019

Обучающийся: Кирющенко А. В.

24.05.19 А.В.К

(дата, подпись)

Оценка отлично

Красноярск 2019

Содержание

Введение.....	3
Глава 1. Культурно-речевая ситуация и возможности ее литературно-художественного изображения.....	7
1.1. «Культура речи» как социолингвистическое явление.....	7
1.2. Культура русской речи 20-30-х гг. XX в.....	14
1.2.1. Фрагменты социокультурной ситуации в России в послереволюционное время.....	14
1.2.2. Языковая политика послереволюционного времени.....	19
1.3. М. М. Зощенко.....	22
Глава 2. Узуальные словоупотребления в прозе М. М. Зощенко. Классификация нарушений речевой нормы.....	36
2.1. Существующие классификации нарушений речевой нормы.....	36
2.2. Классификация речевых ошибок по Ю. В. Фоменко.....	42
2.3. Классификация узуальных словоупотреблений в прозе М. Зощенко.....	48
Заключение.....	60
Библиографический список.....	65
Приложение А.....	72
Приложение Б.....	73

Введение

Данная работа посвящена проблеме литературно-художественного изображения культурно-речевой ситуации в России 20-30х годов XX века в рассказах и фельетонах М. М. Зощенко.

Михаил Михайлович Зощенко – писатель, чье творчество называют «самобытным явлением в русской советской литературе» [Ершов 1978, 14], писатель, который по-своему увидел и изобразил характерные черты современной ему действительности и вывел на арену советской сатиры персонажа, получившего нарицательное понятие «зощенковский герой».

Отличительная черта зощенковских произведений – это язык, стилизованный под речь малограмотного мещанина эпохи 20-30х годов XX столетия. Автор нарушает границы литературной нормы узуальными словоупотреблениями, изучение которых представляет **актуальность данного исследования**. Соотношение нормы и узуса в произведениях Зощенко вызывало интерес лингвистов на протяжении многих десятилетий и не теряет своей значимости в настоящее время в соответствии с современным состоянием культуры речи. **Актуальность работы** определяется также сложностью, многоаспектностью функционирования анализируемой лексики, отсутствием полного и системного описания особенностей языка произведений М. М. Зощенко.

Узуальное словоупотребление как специфическая черта прозы М. М. Зощенко изучалось и изучается многими отечественными и зарубежными лингвистами и литературоведами (В. В. Виноградов «Язык Зощенки» [Виноградов 2003], Л. Ф. Ершов «Из истории советской сатиры: М. Зощенко и сатирическая проза 20-40-х гг.» [Ершов 1973], Н. А. Даренская «Проза М. Зощенко в литературном контексте рубежа XIX-XX вв.» [Даренская 2000], Л. А. Исаева «Языковые особенности рассказов Зощенко» [Исаева 2016], Д. М.

Молдавский «Михаил Зощенко: Очерк творчества» [Молдавский 1977], А. Н. Старков «Юмор Зощенко» [Старков 1990], Ю. В. Томашевский «Лицо и маска М. Зощенко» [Томашевский 1994], М. О. Чудакова «Поэтика Михаила Зощенко» [Чудакова 1979], В. Б. Шкловский «Искусство как прием» [Шкловский 1990], Popkin С. The pragmatics of insignificance: Chekhov, Zoshchenko, Gogol [Popkin 1993]).

Новизна дипломной работы состоит в том, что особенности узуального словоупотребления в литературно-художественных текстах М. Зощенко изучаются в контексте культурно-речевой ситуации в России 20-30-х гг. XX в.

Практическая значимость выпускной квалификационной работы заключается в классифицировании узуальных словоупотреблений в литературно-художественных текстах Зощенко и возможности использования составленной классификации в школьном курсе русского языка и литературы.

Цель – выявить и проанализировать элементы узуального словоупотребления в литературно-художественных текстах М. М. Зощенко 20-40-х гг. XX в.

Задачи:

1. Проанализировать культурно-речевую ситуацию в России 20-30х годов XX века и рассмотреть возможности ее литературно-художественного воплощения.
2. Выявить основные формы отклонения от литературной нормы в произведениях М.М. Зощенко и структурировать их, подобрав подходящую классификацию речевых нарушений.
3. Разработать материалы к школьному курсу русского языка, используя результаты проведенного исследования.

Объект исследования: литературно-художественные тексты М. М. Зощенко 20-40-х гг.

Предмет исследования: узуальные словоупотребления в сатирико-юмористической прозе М. М. Зощенко.

Методологической основой для работы послужили труды таких лингвистов и исследователей, как Е. Д. Поливанова, Л. В. Щербы, Л. П. Крысина, В. В. Виноградова, Г. О. Винокура, Е. Н. Ширяева, М. О. Чудаковой, А. К. Шкловского, Л. Ф. Ершова, Ю. В. Томашевского, Ю. В. Фоменко и др.

Материалом для исследования стали юмористические и сатирические рассказы Зощенко («Война», «Исповедь», «Аристократка», «Баня» и др.), «Письма к писателю», «Голубая книга», «Возвращенная молодость», фельетоны («Щедрые люди», «Психологическая история», «Опасная пьеска» и др.).

Выпускная квалификационная работа состоит из введения, двух глав, заключения, библиографического списка и приложения.

В первой главе «Культурно-речевая ситуация и возможности ее литературно-художественного изображения» проанализирован материал по изученности в социолингвистике понятия «культура речи», основу которого составили исследования Г. О. Винокура, С. П. Обнорского, Б. Н. Головина, Е. Н. Ширяева и др. В этой же главе представлен обзор культурно-речевой ситуации в России в 20-30-е гг. XX столетия на основе работ Д. Л. Сапрыкина, А. Б. Зубова, Н. К. Гончарова, А. Г. Волкова, В. Б. Жиромской и др. Кроме того, эта глава посвящена творчеству М. М. Зощенко в контексте представленной эпохи (специфические черты прозы писателя, основные этапы его литературной деятельности, отклики на творчество Зощенко).

Во второй главе «Узуальные словоупотребления в прозе М. М. Зощенко. Классификация нарушений языковой нормы», которая представляет собой практическую часть исследования, разработана классификация речевых нарушений в прозе Зощенко (на основе классификации Ю. В. Фоменко), кроме того представлены существующие классификации речевых нарушений (С. Н. Цейтлин, Т. А. Ладыженская, М. Р. Львов, М. С. Соловейчик), обоснован выбор классификации Ю. В. Фоменко для анализа узуальных словоупотреблений в произведениях Зощенко.

В приложении представлен разработанный нами материал к школьному курсу русского языка в школе на основе проделанной работы (в форме конспекта урока).

Результаты выпускной квалификационной работы **апробированы** на научно-практической конференции, посвященной Дню славянской письменности и культуры, в рамках международного научно-практического форума студентов, аспирантов и молодых ученых «Молодежь и наука XXI века» (2019 год), а также на уроках русского языка в средней школе (МБОУ «СОШ № 6» г. Канска).

ГЛАВА I. Культурно-речевая ситуация и возможности ее литературно-художественного изображения

1.1. «Культура речи» как социолингвистическое явление

Слово «*культура*» в переводе с латинского обозначает «возделывание». Возделывание речевой культуры – это многовековой процесс отбора всего лучшего, что есть в языке, его обработка, шлифование, кодифицирование, совершенствование. Культура речи как раздел лингвистики призвана сохранить богатство, красоту и неповторимость языка. Возникновение культуры речи связано с моментом возникновения литературного языка как высшей формы языка национального. А. М. Горький писал: «Уместно будет напомнить, что язык создается народом. Деление языка на литературный и народный значит только то, что мы имеем, так сказать, «сырой» язык и обработанный мастерами. Первым, кто прекрасно понял это, был Пушкин, он же первым и показал, как следует пользоваться речевым материалом народа, как надобно обрабатывать его» [Горький 1953, 113].

Учение о культуре речи зародилось еще в античности – в теории и практике ораторского искусства, которое развивалось в России в XVII–XVIII вв. М. В. Ломоносов был первым ученым, который обозначил риторику как науку о красноречии, а позже, в XIX веке, место риторики заняла стилистика, на основе которой в XX столетии появилась культура речи как научная дисциплина.

Большой вклад в развитие культуры речи как одного из разделов общей науки о языке внесли отечественные ученые Г. О. Винокур, С. И. Ожегов, В. В. Виноградов, Б. Н. Головин и другие. Труды этих лингвистов позволяют нам определить многозначность термина «культура речи». Во-первых, в широком смысле под «культурой речи» понимается «культура языка» вообще (образцовые тексты, а также потенциальные свойства языковой системы). Во-вторых, в узком смысле «культура речи» – это знание и

использование общепринятых норм литературного языка. Кроме того, культура речи является и отдельной лингвистической наукой.

Собственно понятие «культура речи» возникает наряду с термином «культура языка» в период изменения государственного строя в России в 20-е гг. XX в. Это время характеризуется большим оттоком интеллигенции из страны и попытками правительства «окультурить» рабоче-крестьянские массы, ликвидировать безграмотность. Основной упор делался на обучение грамоте, нормам речи, искоренению просторечия и диалектизмов, проявившихся в городах в результате приехавшего туда деревенского населения. Коммунистическая партия боролась за «чистоту» русского языка, опираясь на высказывания классиков марксизма-ленинизма («Не пора ли объявить войну коверканию русского языка?» [Ленин 1973, 174]). О коммуникативном и этическом аспектах речевой культуры ничего не говорилось [Винокур 2010, 132].

Д. Э. Розенталь отметил, что «культура языка неразрывно связана с культурой речи» [Розенталь 1985, 137]. Как считают Л.К. Граудина и Е.Н. Ширяев, «различия между понятиями (*культура речи и культура языка*) коренятся в сложившихся научных представлениях о необходимости разграничить «язык» и «речь» [Граудина 1999, 21].

В 20-30е годы большое внимание культуре речи уделяли такие лингвисты, как Г. О. Винокур, С. П. Обнорский. Но наиболее активно термин «культура речи» стал употребляться во 2-й половине XX века, результатом чего стало создание в Институте русского языка АН СССР сектора культуры речи, возглавил который С. И. Ожегов. Под редакцией Ожегова выходят сборники «Вопросы культуры речи» (1955-1968 гг.). Позже, в 1960–1970-х гг. различные аспекты речевой культуры рассматривали в своих трудах В. В. Виноградов, акцентировавший внимание на связи культуры речи с поэтикой и стилистикой, Д. Э. Розенталь и Л. И. Скворцов, отмечавшие связь речевой культуры с практической стилистикой.

Как уже отмечалось выше, термин «культура речи» многозначен, и лингвисты по-разному раскрывают его содержание. Возможно, это связано с тем, что «язык находится все время в состоянии лишь более или менее устойчивого и сплошь и рядом вовсе неустойчивого равновесия» [Щерба 1974, 47].

Г.О. Винокур писал: «Понятие культуры речи можно толковать в двойном смысле слова в зависимости от того, будем ли мы иметь в виду только правильную речь или также речь умелую, искусную» [Винокур 2010, 98].

Б.Н. Головин дает следующее определение культуры речи: «Культура речи — это, прежде всего, по-видимому, какие-то ее признаки и свойства, совокупность и система которых говорят о ее коммуникативном совершенстве; во-вторых, совокупность навыков и знаний человека, обеспечивающих целесообразное и незатрудненное применение языка в целях общения; в-третьих, область лингвистических знаний о культуре речи как совокупности и системе ее коммуникативных качеств» [Головин 1980, 209].

В Большом энциклопедическом словаре под редакцией А. М. Прохорова представлено такое определение: «Культура речи:

- 1) владение нормами устного и письменного литературного языка (правилами произношения, ударения, словоупотребления, грамматики, стилистики), а также умение использовать выразительные средства языка в различных условиях общения в соответствии с целями и содержанием речи;
- 2) раздел языкознания, исследующий проблемы нормализации с целью совершенствования языка как орудия культуры [БАС 2002, 224].

Как можно заметить, определение, данное Б. Н. Головиным, содержит указание лишь на коммуникативный аспект культуры речи, который заключается в соблюдении в практике общения таких критериев, как логичность, правильность, точность, ясность, выразительность. Определение из словарной статьи учитывает коммуникативный и нормативный аспект

(нормативный аспект культуры речи отражает знание и применение в практике общения норм литературного языка на всех его уровнях). Однако известно, что культура речи содержит и третий аспект – этический, который предполагает владение нормами речевого поведения и системой речевых формул. В этом отношении удачным является определение Е.Н. Ширяева: «Культура речи – это такой выбор и такая организация языковых средств, которые в определенной ситуации общения при соблюдении языковых норм и этики общения позволяют обеспечить наибольший эффект в достижении поставленных коммуникативных задач» [Ширяев 1995, 10]. Во многих учебниках по русскому языку и культуре речи именно определение Ширяева принято как основное до сих пор. Но есть и другие варианты определения.

Л.И. Скворцов утверждал необходимость различать «правильность» и «культуру» речи как две ступени овладения языком. По мнению Скворцова, о культуре речи «можно говорить в условиях владения литературной речью». Ученый определяет «культуру речи» как «владение нормами устного и письменного литературного языка (правилами произношения, ударения, грамматики, словоупотребления и др.), а также умение использовать выразительные языковые средства в разных условиях общения в соответствии с целями и содержанием речи» [Скворцов 2006, 114].

В. Е. Гольдин и О. Б. Сиротина дают более широкое толкование культуры речи, подчеркивая важность литературной классики как языковых образцов, менталитета общения, языковых традиций и языкового сознания, использование невербального сопровождения речи, навыки и умения применять профессионально-речевую культуру [Гольдин 2001, 78].

Главный смысл культуры речи Б. Р. Мандель видит в достижении наибольшего эффекта речевой деятельности и решении всех поставленных перед коммуникантами задач. При этом, по мнению лингвиста, необходимо учитывать ситуацию и этику общения [Мандель 2011, 103].

Н. А. Ипполитова в определении культуры речи заостряет внимание на создании текста как результата речевой деятельности, учитывая

целесообразность, целенаправленность, корректность, эффективность [Ипполитова 2011, 75].

Весьма актуальным является вопрос о разграничении терминов «культура речи» и «речевая культура». Многие лингвисты считают данные термины синонимичными, другие же не поддерживают такую точку зрения. Первым из ученых, попытавшихся разграничить эти понятия, стал Е. Н. Ширяев: «Культура речи — часть более широких понятий — речевой культуры, а также культуры общения, куда входят еще два компонента: культура мышления и психологическая культура общения» [Ширяев 1995, 2].

О. Б. Сиротинина дает определение «речевой культуры», под которым понимает «отношение человека, общества к культуре речи во всех значениях этого понятия: к процессу выбора, полученному в результате этого выбора набору языковых средств, к этике общения, к знаниям о законах коммуникации и ее нормах, как языковых, так и этических, коммуникативных, риторических, вообще к знаниям о чем-то и к другим людям» [Сиротинина 2010, 111]. Сиротинина выделяет различные типы речевой культуры: элитарный, среднелитературный, литературно-разговорный, фамильярно-разговорный, жаргонный и просторечный, каждый из которых и имеет определенные признаки.

А. П. Сковородников отмечает, что «типы речевой культуры можно определить как обобщенные и типизированные характеристики («портреты») социокультурных групп населения, градуированные по степени владения средствами и нормами данного национального языка» [Сковородников 2008, 28]. По Сковородникову, культура речи соотносится только с элитарным типом речевой культуры (полнофункциональным). У Сиротининой же иной взгляд: «Культура речи — производное только двух типов речевой культуры, полно- и неполнофункционального». Однако и Сковородников, и Сиротинина отмечают, что понятия «речевой культуры» обозначает разные, хоть и «соотносительные» феномены. Лингвисты разделяют взгляд

Ширяева, который рассматривал культуру речи как часть речевой культуры [Там же, 29].

Несколько иной взгляд на определение «культуры речи» представлен в энциклопедии «Русский язык»: «Речевая культура включает в себя язык в его социальных и функциональных разновидностях, формы воплощения речи (устную, письменную), совокупность общезначимых произведений на данном языке (в том числе образцовых), систему речевых событий и речевых жанров, обычаи и правила общения, закрепленные в языке картины мира, присущее данной культуре соотношение словесных и несловесных компонентов общения (коммуникативное использование пространства, поз, жестикуляции, мимики и т.п. в процессе речи), способы передачи, сохранения и обновления языковых традиций, языковое сознание народа в бытовых и профессиональных формах, науку о языке... Культура речи также входит в речевую культуру народа» [Караулов 1997, 309]. Такое объемное определение свидетельствует о том, что термин «речевая культура» шире, чем «культура речи», следовательно, они не синонимичны. «Речевая культура человека — это зеркало его духовной культуры... речевая культура выражает самую сущность культуры человеческой...» [Сухомлинский 1981, 142].

В «Новом словаре методических терминов и понятий» представлено такое определение рассматриваемого нами понятия: «Речевая культура — это составная часть культуры народа, связанная с использованием языка... Требования речевой культуры содержат в себе три компонента: нормативный, этический и коммуникативный... Речевая культура включает в себя культуру речи, а также культуру общения, культуру мышления» [Азимов 2010, 274].

Итак, мы видим, что существует большое количество определений термина «культура речи», каждое из которых учитывает определенные аспекты данного понятия. Как можно заметить, приведенные примеры определений не ограничиваются только лишь правильностью речи и не

могут быть сведены, по словам В. Г. Костомарова, «к перечню запретов и догматическому определению «правильно-неправильно» [Костомаров 1999, 201]. «Культура речи» связана с закономерностями развития языка. Не случайно многие лингвисты рассматривают «культуру речи» как «часть речевой деятельности», выделяя в ней три важных компонента, которые уже были упомянуты выше (коммуникативный, нормативный, этический), работающих в совокупности на достижение эффективности общения [Ипполитова 2006, 82].

В период с античности до современности лингвисты предоставили обширный материал, связанный с изучением речевой культуры, однако и в настоящее время культура речи как наука продолжает активно развиваться в разных направлениях: конкретизируются границы науки, уточняется терминология, углубляется содержание теории о культуре речи, разрабатываются новые методы исследования. Перечень аспектов, на основе которых может быть исследована культура речи, весьма обширный. Так, Л. И. Скворцов пишет: «О культуре речи можно говорить с точки зрения 1) нормативности; 2) общей культуры речи; 3) социологического аспекта; 4) исторического аспекта; 5) экологического аспекта» [Скворцов 2009, 46]. А В. Г. Костомаров отмечает: «Культура речи, как и любая человеческая деятельность, должна быть связана со свободным индивидуальным выбором. Но для того чтобы сделать этот выбор, надо знать. Выбор должен быть обоснованным» [Костомаров 2001, 49].

1.2. Культура русской речи 20-30-х гг. XX в.

1.2.1. Фрагменты социокультурной ситуации в России в послереволюционное время

Революция 1917 года знаменует новый этап в истории отечественной культуры. В этот период перед творческой интеллигенцией страны встал важнейший вопрос об отношении к революции. Многие восприняли её как катастрофу, разрушение прежней жизни, культуры и традиций. Из страны эмигрировало большое число деятелей науки и культуры. Это такие выдающиеся люди, как А.Н. Толстой, Е.И. Замятин, И.А. Бунин, С.В. Рахманинов, М.И. Цветаева, А.И. Куприн и другие. Некоторые возвращались из-за невозможности жить вдали от родины, другие же оставались за границей, и такая утечка умов была весьма ощутимой и привела к снижению культурно-интеллектуального уровня в стране. И всё же, большая часть интеллигенции осталась на родине и многие из этих людей сотрудничали с новой властью.

В этот период советское правительство ставило перед собой несколько главных задач. Одной из таких было преодоление культурного неравенства, а именно создание массовой культуры, т.е. культуры не для элиты, а для всего народа. Выдвигалась задача создания пролетарской культуры, в концепции которой отрицалось почти всё классическое культурное наследие. Эту идею мы вполне можем увидеть на примере стихотворения В. Кириллова «Мы»:

«Мы во власти мятежного страшного хмеля,

Пусть кричат нам: «Вы палачи красоты»,

Во имя нашего завтра – сожжем Рафаэля,

Разрушим музеи, растопчем искусства цветы!» [Кириллов 1987, 39]

20-е годы этого века поражают обилием различных литературно-художественных группировок. Известнейшие из них – это: «Кузница», МАПП («Московская ассоциация пролетарских писателей»), «Серапионовы братья», ЛЕФ («Левый фронт искусств»), «Перевал» и мн. др. Однако в 1932 году вышло постановление «О перестройке литературно-художественных организаций», в котором говорилось о роспуске таких групп и о создании единых творческих союзов. В 1934 году был создан Союз писателей СССР, который предписал деятелям искусства использовать только метод социалистического реализма, принципами которого являются народность, партийность, коммунистическая идейность. Позднее возникли и Союз художников, Союз композиторов и т.д. [Сапрыкин 2009, 69]. Как мы видим, советское правительство предписало литературе и искусству служить коммунистической идеологии, сделав их инструментом пропаганды для внедрения в сознание людей марксистско-ленинских идей.

Другой важнейшей задачей правительства стала ликвидация неграмотности, ввиду того, что $\frac{3}{4}$ населения страны не владели навыками письма и чтения, в большей степени это касалось жителей деревни. Ликвидация неграмотности рассматривалась как необходимое условие обеспечения сознательного участия всего населения в политической и хозяйственной жизни страны. В педагогических сочинениях Н. К. Крупской написано следующее:

«Капитализм с самых первых шагов встал лицом к лицу с необходимостью дать рабочим массам хотя бы элементарную грамотность: без этого трудно было управлять массами, регулировать их труд, правильно инструктировать их, нельзя было наладить жизнь крупных торгово-промышленных центров. Капиталисты поняли, что грамотность масс — одно из условий успешного развития крупной промышленности. И, поняв это, приняли все меры к тому, чтобы добиться поголовной грамотности...

А мы? Мы ведь не какая-нибудь буржуазная страна. Мы держим руль на коммунизм, хотим перестроить всю жизнь по-новому... Но поняли ли мы, что всеобщая грамотность — необходимое условие развития крупной промышленности, необходимое условие для первых шагов по пути к социализму?» (цитата по: [Гончаров 1959, 163]).

Для решения столь важной задачи Совет Народных Комиссаров (СНК) в 1919 году принял декрет «О ликвидации неграмотности среди населения РСФСР», из которого следовало, что всё неграмотное население страны от 8 до 50 лет обязано было обучаться грамоте на родном или русском языке. 19 июля 1920 года СНК создал Всероссийскую чрезвычайную комиссию по ликвидации безграмотности (ВЧК л/б). Ее задачей была организация курсов ликбеза, подготовка учителей, издание необходимой учебной литературы. Материальную помощь оказывали М. Горький, В. Я. Брюсов, Демьян Бедный, В. В. Маяковский, В. М. Бехтерев и другие. В 1923 году было создано общество "Долой неграмотность". Были открыты тысячи пунктов для ликвидации неграмотности – ликбезы. В 1930 году вышло постановление ЦК ВКП(б) «О всеобщем обязательном начальном обучении» [Зубов 2010, 560].

Информация об итогах ликвидации неграмотности значительно расходится. По одним источникам, уже к концу 30-х годов неграмотность в стране утратила характер острой проблемы. К 1936 году было обучено около 40 млн. неграмотных. По данным переписи 1939 года, грамотность лиц в возрасте от 16 до 50 лет приближалась к 90%. В российской педагогической энциклопедии в статье «Грамотность» сказано: «В конце 30-х годов достигнут уровень грамотности населения свыше 80 %. Ликвидация массовой неграмотности в СССР завершена после Великой Отечественной войны. Процесс становления полной грамотности завершался в конце 60-х и в 70-е годы: удельный вес лиц с образованием

ниже законченного начального (в том числе и лиц без образования) составлял среди населения СССР в возрасте 10 лет и старше в 1959—32,9%, в 1970 — 22,4%, в 1979 — 11,3%» (цитата по: [Давыдов 1999, 174-179]). Однако, по данным переписи населения 1937 года, ¼ часть населения от 10 лет и старше не умела читать, 30% женщин не владели навыками чтения и не умели подписывать свою фамилию, хотя в стране говорилось о всеобщей грамотности. Наиболее подробно об этом сказано в работах по переписи населения 1937 А.Г. Волкова [Волков 1990, 4], .В.Б. Жиромской [Жиромская 2007, 71], Ю.А. Полякова [Поляков 1996, 46].

По данным статистического сборника 1940 года, в 1926 году уровень грамотности лиц в возрасте от 9 до 49 лет составил 56,6% (в 1920 году эта цифра была ниже - 44,1%). Всего с 1917 по 1927 годы было обучено грамоте до 10 млн. взрослых. Но в целом СССР занимал по уровню лишь 19 место в сравнении со странами Европы. Подводило то, что низкой оставалась грамотность населения в автономных национальных территориальных образованиях (в Дагестане – 12%, в Якутии – 13%, в Ингушетии – 24% и т.д.). Кроме того, сохранились весомые различия в уровне грамотности городского и сельского населения (в 1926 году - соответственно 80,9% и 50,6%), мужчин и женщин (в городе — 88,6% и 73,9%, в селе — 67,3% и 35,4%) [Сулькевич 1940, 39]

Краткий обзор общественно-политического положения в СССР 20-30х годов показывает, что итоги культурных преобразований в жизни страны были неоднозначными. С одной стороны, грамотность населения возросла, с другой же стороны есть большое количество доказательств того, что значительный процент населения оставался безграмотным и малограмотным. Специфическими чертами ЛИКБЕЗа были, во-первых, высокая степень политизированности процесса, что обуславливалось главной целью большевиков – созданием нового общества с господством

партийной бюрократии; во-вторых, ускоренными и ужесточенными темпами данного процесса, что сказывалось на качестве преобразований; в-третьих, ликвидация неграмотности – значительный, но лишь первый шаг на пути к достижению населением реального уровня мировой культуры.

1.2.2. Языковая политика послереволюционного времени

А. М. Селищев в книге «Язык революционной эпохи» писал следующее: «Ничто не подвергалось у нас такому безжалостному изуродованию, — такому беспощадному исковерканию, как язык» [61, с. 167]. Действительно, в период 20-х годов литературный и разговорный языки претерпевают огромные изменения в связи с тем, что язык – явление социально обусловленное. Об этом достаточно подробно сказано в работе Е.Д. Поливанова «Закон перехода количества в качество в процессах историко-фонетической эволюции». Поливанов говорит о том, что, подходя к изучению эволюции языка, нельзя оставлять без внимания важнейший компонент такой эволюции – социальный фактор, то есть социальные причины языковых преобразований [Поливанов 1968, 52]. По мнению Поливанова, главный путь воздействия социальных факторов на язык таков: «Экономико-политические сдвиги видоизменяют контингент носителей языка данного языка или диалекта, а отсюда вытекает и видоизменение отправных точек его эволюции» [Там же, 86].

Ярким примером таких перемен является русский язык послереволюционной эпохи. В 20-е годы состав носителей русского языка значительно изменился: если до этого времени основной слой литературно говорящих людей составляла старая интеллигенция, то теперь литературными нормами овладевали и демократические слои населения: крестьяне, рабочие, новая интеллигенция. В связи с такой сменой состава носителей языка, целью языковой эволюции стало создание языка, единого для всех социальных слоев. Но разработка такого единого языка, о котором говорит Поливанов, на разных уровнях языка проходила неравномерно. Связано это с тем, что каждый уровень языка неодинаково восприимчив к влиянию социальных факторов. Например, наибольшему влиянию подвергается лексика и фразеология, а несколько меньшему –

морфология и синтаксис.

Кроме Е.Д. Поливанова, социолингвистическими проблемами занимались многие языковеды: А.М. Селищев, А.М. Пешковский, Г.О. Винокур и др. В период 20-30х годов лингвистами описываются такие языковые изменения, которые имели место в выступлениях политических и революционных деятелей этого времени (С.И. Карцевский, Е.Д. Поливанов и др.), в языке прессы (А.М. Селищев, Г.О. Винокур и др.) и масс (Л. В. Щерба, А.М. Селищев и др.).

Как уже было сказано выше, в этот период в языке происходят значительные преобразования. В первую очередь это связано с тем, что изменилась система текстов, служившая ориентиром для языковой и общественной деятельности. На первый план выходят партийные документы, агитационные выступления, речи политических деятелей. Всё это способствовало распространению языковых черт, присущих речи командных высот. Революционный период характеризуется появлением огромного количества новых слов. Это, с одной стороны, было связано с тем, что языковые изменения ориентировались на речевую культуру народных масс, а с другой – в необходимости появления новых слов для описания тех событий и условий жизни, которые были характерны для этого времени. В речи появились разного рода сокращения, вульгаризмы, советизмы, канцеляризм, семантические неологизмы. Такие изменения в языке лингвисты называют упрощением. Как отмечают С. И. Карцевский, Г. О. Винокур, А. М. Селищев, наибольшему упрощению подвергалась лексика. С. И. Карцевский в книге «Язык, война и революция» отметил: «Социально-политический сдвиг, коренная ломка быта, новые факты жизни и исключительно эмоциональное к ним отношение со стороны по-новому дифференцированного общества – все это оставило глубокий след на русском, точнее, на нашем словаре» [Карцевский 2000, 217].

Следует сказать, что такие изменения в языке характерны для любого переломного периода в развитии страны. Об этом говорит Г.О. Винокур в книге «Критика поэтического текста», а также А. Д. Васильев, который в работе «Слово в российском телеэфире: Очерки новейшего словоупотребления», затрагивает тему влияния переломного времени на практику использования лексико-фразеологических ресурсов языка [Васильев 2003, 46-103].

1.3. М. М. Зощенко

Именно в период 20-х годов XX века на литературной арене появляется писатель, чье имя и творчество вызывало крайне различные отклики уже в то время, и остается оно парадоксальным до сих пор. Достаточно взглянуть на названия некоторых статей и работ, посвященных творчеству этого писателя: «Зощенко, который не смеялся» [Томашевский 1993], «Свифт, принятый за Аверченко» [Сарнов 1996], «Лицо и маска Михаила Зощенко» [Томашевский 1994], «Самый веселый писатель. Самая нелепая судьба» [Стрижак 1992], «Мифы Михаила Зощенко» [Синявский 1989], «Очень странный классик» [Белявский 1993], «Замаскирован смехом» [Куляпин 1995], «Неизвестный советский гражданин, которого звали Зощенко» [Томашевский 1993], «Неизвестный Зощенко» [Томашевский 1988], «Михаил Зощенко. Печальный гений смеха» [Иванова 2007], «Михаил Зощенко. Клоун, философ, закрытое сердце» [Лурье 2001], и многие другие.

Михаил Михайлович Зощенко – писатель, чье творчество называют «самобытным явлением в русской советской литературе» [Ершов 1978, 24], писатель, который по-своему увидел и изобразил характерные черты современной ему действительности и вывел на арену советской сатиры собирательного персонажа, получившего нарицательное понятие «зощенковский герой». Продолжая традиции Лескова, Гоголя, Чехова, Зощенко, в свою очередь, преобразил жанр комической новеллы и выступил создателем неповторимого художественного стиля.

Зощенко, сменивший не одну профессию, около сорока лет своей жизни посвятил литературе, и этот литературный путь, наполненный творческими исканиями, был весьма непростым для писателя. Некоторые литературоведы (М. О. Чудакова, Л. Ф. Ершов) выделяют в творчестве

Зощенко три основных этапа [Ершов 1978, 203].

Первый этап – 20-е годы, период расцвета зощенковской сатирической новеллы. В эти годы писатель сотрудничает с популярными журналами «Бегемот», «Чудак», «Смехач» и др. В период 20-х годов были созданы самые яркие сатирические произведения Зощенко, принесшие писателю невероятную популярность: «Аристократка», «Баня», «Нервные люди» и пр.

Второй этап приходится на 30-е годы. В этот период Зощенко работает над формой своих произведений, находится в поиске нового жанра (более крупные прозаические и драматические работы). В 30-е годы были написаны такие произведения, как «Возвращенная молодость», «История одной жизни» и «Голубая книга». Сатирическая проза Зощенко в эти годы также подвержена преобразованиям.

Третий и последний этап творчества Зощенко – военное и послевоенное время, с соответствующей тематикой. В эти годы писателем создаются антифашистские фельетоны, военные рассказы, пьесы, сценарии к военным фильмам.

В рамках нашей работы наибольший интерес представляет творчество М. Зощенко 20-30-х годов, так как именно в этот период писатель в большей степени занимается сатирой. В 20-е годы Зощенко представляет всё жанровое разнообразие своего творчества: комические новеллы, фельетоны, сатирические рассказы, сатирико-юмористические повести. В начале писательской деятельности первые произведения Зощенко (например, «Рассказы Назара Ильича господина Синябрюхова») получают высокую оценку М. Горького, К. Чуковского.

Уже в ранних произведениях Зощенко резко выделяется на фоне

сатиры того времени. Этому способствует манера повествования, стилизованная под сказ; яркая фигура героя-рассказчика, комического героя, который, по словам писателя, «раньше не фигурировал в русской литературе» [Зощенко 1928, 8]; меткие комические обороты речи («нарушает беспорядки», «будто вдруг атмосферой на меня пахнуло»).

Сказ как форма повествования с установкой на чужую речь разнообразно использовался в русской литературе П. Бажовым, Б. Шергиным, М. Гоголем, Н. Лесковым и другими писателями, но Зощенко преобразил форму сказа, сделав ее более выразительной и емкой. Посредством сказа Зощенко умело передавал эмоциональное и психологическое состояние своего героя, его тембр голоса и даже манеру поведения, не используя при этом дополнительных описаний этого голоса, жестов и т.п.

Тематика произведений Зощенко 20-х годов (мещанство, обывательщина, лакейство, различные общественные беспорядки и мн.др.) почерпнута из реальной окружающей действительности того времени. В сатирических рассказах и фельетонах М. Зощенко высмеивал расчетливых добытчиков собственного счастья, «интеллигентных подлецов и хамов», показывал истинное лицо «пошлых и никчемных людей, готовых на пути к устроению личного благополучия растоптать все подлинно человеческое» [Ершов 1978, 275]. В сатирических новеллах 20-х годов Зощенко демонстрирует духовное обнищание части советских масс, в частности, мещанина, который выступает «рассадником пошлости» [Там же, 281].

Произведения 20-х годов сделали Зощенко по-настоящему знаменитым и популярным. Некоторые собраты по перу объясняли популярность писателя его манерой высмеивать мещанство, но Зощенко не

просто высмеивал, он открыл новый социальный тип. «Вот в литературе существует так называемый «социальный заказ», – писал он Горькому. – Мне хочется передать нужный мне тип, тип, который почти не фигурировал раньше в русской литературе. Я взял подряд на этот заказ. Я предполагаю, что не ошибся» [Рубен 2006, 301]. И писатель не ошибся: усталые, «замызганные» [Игнатова 2001, 12], косноязычные люди прежде не выступали в роли главных героев художественных текстов. Многие писатели видели в таких людях лишь безликую массу. Подтверждением тому может быть одна из записей К. И. Чуковского: «В Сестрорецке. ...В курорте лечатся 500 рабочих – для них оборудованы ванны, прекрасная столовая... порядок идеальный, всюду в саду ящики «для окурков», больные в полосатых казенных костюмах – сердце радуется... Спустя некоторое время радость остывает: лица у большинства – тупые, злые... Им не нравится, что «пищи мало» ...окурки они бросают не в ящики, а наземь и норовят удрать в пивную, куда им запрещено» [Чуковский 1991, 42]. Именно этот человеческий тип осветил в своих произведениях 20-х годов М. Зощенко, по словам которого в отношении к этим людям у писателя «меньше иронии, чем настоящей, сердечной любви и нежной привязанности к людям» [Зощенко 2013, 401].

Суть зощенковского стиля во многом состоит в совмещении этического и культурно-исторического плана повествования с целью демонстрации их искажения через манеру поведения персонажей. Такое искажение, возникающее на границе реального и ирреального, создает комическую ситуацию; у Зощенко это мотивы обыденной нелепицы, общественного или семейного разлада, «какой-то трагикомической несогласованности героя с темпом, ритмом и духом времени» [Ершов 1978, 113]. Зощенко изобразил конфликт дореволюционного сознания человека с идеологическими и нравственными принципами нового

времени.

Представляя читателю обыденные ситуации, происходящие с самыми обыкновенными, ничем не примечательными людьми, Зощенко возвышал эти отдельные истории до значительного уровня, погружаясь в «святыню» мещанина, который, «разворачивая свою идеологию», сам себя разоблачал.

В рассказах Зощенко главным средством достижения комического эффекта является речь малограмотного обывателя, насыщенная вульгаризмами, советизмами и различными неправильными синтаксическими и грамматическими конструкциями («етот», «ихняя», «брунеточка», «эта пудель» и т.д.).

В 30-е годы вся художественная литература претерпевает изменения, не остается неизменной и сатира Зощенко. Произведения писателя 30-х годов относятся к более зрелому периоду его творчества. В этих рассказах и фельетонах юмор все чаще уступает место поучительности, а ирония – лирико-философской интонации («Пьяный человек», «В трамвае», «Баня и люди» и др.). Со слов самого Зощенко известно, что в период 30-х годов он одухотворен идеей соединить сатиру с героикой. Теоретически этот тезис был высказан писателем еще в 1927 году: «Хочется сегодня размахнуться на что-нибудь героическое. На какой-нибудь этакый грандиозный, обширный характер со многими передовыми взглядами и настроениями. А то все мелочь да мелкота – прямо противно... А скучаю я, братцы, по настоящему герою! Вот бы мне встретить такого!» [Зощенко 2016, 7]. Реализовывал свою задумку Зощенко в таких произведениях, как «Возвращенная молодость», «История одной жизни», «Голубая книга» (1933-1935 гг.) и некоторых новеллах второй половины 30-х годов.

Однако в 1929 году Зощенко все же возвращается к волновавшему

его кругу вопросов и проблем. Так, в «Письмах к писателю» он отмечает, что «пролетарская революция подняла целый и громадный пласт новых, «неописуемых» людей» [Зощенко 1929, 23]. Обращение к таким «новым» людям в значительной мере изменило образ всей зощенковской новеллы 30-х годов. К существенным изменениям зрелой прозы писателя относятся отказ от прежней социальной маски и от сказовой манеры повествования. Рассказчик и другие герои стали говорить более правильным, нормированным языком. Естественно, изменение таких речевых характеристик несколько снизило прежнюю яркость новелл, однако стало очевидным, что прежний зощенковский стиль уже недостаточно подходил для воплощения новой идеи и новых образов. Отход от сказа повлек за собой не только изменения стилистического плана, но и структурно-композиционную перестройку новеллы. В рассказах 30-х годов Зощенко нередко возвращается к опытам ранних произведений, но осмысливает их на более зрелом уровне. Одни только названия новелл 30-х годов («Об уважении к людям», «Плохая жена», «Неравный брак», «Поминки» и др.) говорят о том круге тем и проблем, которые волновали писателя тех лет: это уже не гримасы нэпа и быта, не коммунальные проблемы, но феномены этики и нравственных отношений.

Интересным изменением зрелой прозы Зощенко становится появление нравоучительной интонации, столь ярко не наблюдавшейся ранее. В этих рассказах и фельетонах автор не столько высмеивает, сколько терпеливо разъясняет, учит своих читателей. Так писатель в большей степени декларирует высокую нравственную позицию художника, отчетливо выраженную там, где затрагиваются волнующие автора вопросы долга, справедливости, чести, достоинства. Особенно примечательным в этом отношении является цикл рассказов для детей «Леся и Минька» (1937-1938 гг.). Отсюда и обновленный тип героя – Зощенко всё больше внимания уделяет положительным характеристикам,

все чаще выводит в рассказы образы активно действующих героев («Долг чести», «Новые времена» и т.д.).

Новое время вносит изменения не только в небольшие произведения Зощенко, но, как уже было упомянуто выше, касается и более объемной прозы. Прежние представления о неистребимости мещанства отодвигаются уверенностью в новых человеческих отношениях. В крупных произведениях Зощенко соединяет героическое и комическое, лирику и сатиру, пафос и иронию.

В повести «Возвращенная молодость» (1933 г.) автор на художественном уровне изучает взаимосвязь различных аспектов человеческой жизни: биологических и социальных, общечеловеческих и политических. Композиция больших эпических форм не отточена писателем так, как мастерски это сделано с малыми жанрами. Повесть можно поделить на три части. Первая представляет собой несколько небольших новелл, представляющих собой некое вступление по отношению к основной части и излагающих в забавной форме рассуждения о возможности возвращения молодости. Вторая часть также состоит из рассказов, в которых повествуется о профессоре Волосатове, который обрел утраченную молодость. Третья часть представляет собой заключение, в котором даются научные комментарии ко всему предшествующему повествованию.

В середине 30-х годов Зощенко был занят поиском необходимой ему жанровой формы. Если «Возвращенную молодость» еще можно назвать повестью, то для «Голубой книги» и «Перед восходом солнца» традиционные жанровые определения уже не подходят. Это произведения на стыке публицистики и беллетристики. Так, жанр «Голубой книги» (1935 г.) определяют как сборник бытовых новелл и исторических

анекдотов, сборник рассказов. В сравнении с «Возвращенной молодостью» в этой книге изменен не только жанр, но и способ введения автора в ход повествования. Если в предыдущем произведении вводился раздел с комментарием, то здесь иной способ: каждый раздел («Деньги», «Любовь», «Коварство», «Неудачи», «Удивительные события») предваряется введением и послесловием, в которых отчетливо слышится элемент некоей имитации авторского поучения с ощутимым ироническим оттенком, а к некоторым рассказам прилагаются специальные абзацы с явно дидактическим умыслом. Изменена и общая тональность «Голубой книги» в сравнении с предшествующим произведением в направлении к дальнейшему просветлению фона художественного произведения. Зощенко по-прежнему выступает сатириком, но в книге «больше радости и надежды, чем насмешки, и меньше иронии, чем настоящей, сердечной и нежной привязанности к людям» [Зощенко 2013, 81].

Сюжетно «Голубая книга» не близка «Возвращенной молодости», но сам автор, как известно, включал их в трилогию (*«Сейчас я думаю приняться за новую книгу, которая будет последней в моей трилогии, начатой «Возвращенной молодостью» и продолженной «Голубой книгой»* [Зощенко 1935, 41]), и не случайно: во второй книге обширнее развивается тема человечности, проблема подлинного и ложного счастья. Именно это придает цельность всему произведению. Кроме того, в «Голубой книге» углубляется социальный историзм, впервые с большой силой прозвучавший у Зощенко в «Возвращенной молодости»: на протяжении пяти частей книги писатель проводит читателя через разные эпохи и страны. Писатель словно делает исторический обзор далекого и относительно близкого прошлого, но при этом использует форму исторического анекдота, чтобы придать новелле некий притчевый характер и не потерять юмористической нотки. Нельзя не отметить, что историческое прошлое и современность связаны в «Голубой книге» очень

тесно, прошлое комически отражается в современности словно в кривом зеркале. Такой прием позволяет писателю показать ложное величие прошедших эпох посредством проекции на современное читателю время.

Литературовед А. Л. Дымшиц в одном из откликов на творчество Зощенко писал: «Зощенко увидел в прошлом не только прообразы современных мещан, но и разглядел в нем ростки нашей революции, о которых с большим лиризмом рассказал в лучшем во всех отношениях разделе «Голубой книги» - ее пятом разделе – «Удивительные события». [Дымшиц 1936, 17].

К концу 30-х годов Зощенко начинает работать над завершающим произведением задуманной им трилогии, повестью «Перед восходом солнца» (1943 г.). Здесь автор находится еще в более напряженных поисках жанровой формы. В статье «О моей трилогии» писатель отмечает: «последняя книга трилогии задумана значительно более сложной; в ней будет несколько иной подход ко всему материалу, чем в «Возвращенной молодости» и «Голубой книге», а те вопросы, которые я затрагивал в предыдущих двух книгах, получают завершение в специальной главе новой книги. Эта книга будет мало похожа на обычную художественную прозу. Это будет скорее трактат, философский и публицистический, нежели беллетристика» [Зощенко 1935, 57]. Повесть действительно «мало похожа» на традиционную художественную прозу и на прежнюю прозу Зощенко в целом, поэтому в рамках нашей работы мы не рассматриваем данное произведение.

Отзывы на творчество Зощенко были самыми различными. Многие писатели, литературоведы высоко оценивали произведения Зощенко (А.Толстой, М.Горький, С. Маршак, Ю.Тынянов и др.). В Саянов назвал Зощенко одним из самых демократичных писателей: «Рассказы Зощенки

демократичны не только по языку, но и по действующим лицам. Не случайно, что сюжет рассказов Зоценки не удалось и не удастся взять другим писателям-юмористам. Им не хватает больших внутренних идейных позиций Зоценки. Зоценко так же демократичен в прозе, как был демократичен в поэзии Маяковский» [Саянов 1936, 3]. Особенно высоко комическое искусство Зоценко оценивал М. Горький: «Данные сатирика у вас – налицо, чувство иронии очень острое, и лирика сопровождает его крайне оригинально. Такого соотношения иронии и лирики я не знаю в литературе ни у кого» [Горький 1963, 159].

С другой стороны, творчество Зоценко постоянно подвергалось критике. Критиковали его за то, что он во всей непристойности и грубости изображал обывательскую жизнь и искажал литературный язык. Так, в постановлении оргбюро ЦК ВКП(б) от 14.08.1946 № 274 написано следующее: «В журнале «Звезда» за последнее время, наряду со значительными и удачными произведениями советских писателей, появилось много безыдейных, идеологически вредных произведений. Грубой ошибкой «Звезды» является предоставление литературной трибуны писателю Зоценко, произведения которого чужды советской литературе. Редакции «Звезды» известно, что Зоценко давно специализировался на писании пустых, бессодержательных и пошлых вещей, на проповеди гнилой безыдейности, пошлости и аполитичности, рассчитанных на то, чтобы дезориентировать нашу молодежь и отравить ее сознание... Предоставление страниц «Звезды» таким пошлякам и подонкам литературы, как Зоценко, ... недопустимо...». (Цитата по: [Яковлева 1999, 587]).

Многие общественные деятели упрекали Зоценко во лжи, которая заключалась в изображении им опошленного типа людей, якобы реально не существовавшего в то время. Однако хроника 20-х годов насыщена

зощенковскими сюжетами. Так, в одном из номеров «Красной газеты» содержится весьма забавная заметка о происшествии в бане: некий Бобров, придя в баню, оставил одежду на хранение в раздевалке, «а когда помывшись вышел, вместо роскошных брюк-галифе и кожаной куртки банщики выдали на его билет какие-то лохмотья. «Не иначе как билетик ему подменили», – говорят банщики. «Да кто подменил, коли я его в руке хранил?» – кричит Бобров. «Я помню, что Бобров в руке билет держал! – говорит приятель Боброва инвалид Марцевич. – Я лично к ступне привязал, а он в руке хранил. Которые умственные посетители – те всегда к ноге билетик привязывают» [Игнатова 2001, 14]. Почти готовый сюжет «Бани». Не менее примечательное происшествие описано К. И. Чуковским: однажды, прогуливаясь с Зощенко, к ним подошел незнакомый человек и начал упрекать Зощенко во лжи: «Где вы видели такой омерзительный быт? Теперь, когда моральный уровень...». В этот момент откуда-то сверху упала ошипанная курица, а «из форточки самой верхней квартиры высунулся кто-то лохматый, с безумными от ужаса глазами и выкрикнул отчаянным голосом: «Не трожьте мою курицу! Моя!...». Через мгновение из подъезда выбежал человек, забрал курицу и исчез. «Не успели мы догадаться, что схвативший курицу вовсе не тот человек, который кричал из окна, как этот человек налетел на нас ястребом, непоколебимо уверенный... что мазурик, так ловко надувший и нас, и его, на самом-то деле наш сообщник». После всего случившегося «Зощенко усмехнулся своей медленной, томной, усталой улыбкой и тихо сказал обличителю: «Теперь, я думаю, вы сами увидели...» [Чуковский 1991, 51].

Излюбленной мишенью критиков в творчестве Зощенко был не только тип героя, за который писателя обвиняли в мещанстве, но и сам язык его произведений. В журнале «На литературном посту» 1927 года помещена рецензия Вешнева, в которой говорится следующее: «<...> она <речь. - М. Р.> искусственна, она сделана, вот почему ее комизм

деланный» [Томашевский 1994, 155]. Многие критики обвиняли Зощенко в коверкании русского литературного языка. Однако В.В. Виноградов в своем исследовании «Язык Зощенко» всесторонне разобрал повествовательную манеру писателя, отметив художественное переосмысление различных речевых слоев в его лексиконе [Виноградов 2007, 230]. Чуковский отметил, что Зощенко ввел в литературу «новую, еще не вполне сформированную, но победительно разлившуюся по стране внелитературную речь и стал свободно пользоваться ею как своей собственной речью» [Чуковский 1995, 216]. Вот что сам Зощенко писал по этому поводу в автобиографии: «...Первые мои литературные шаги после революции были ошибочны. Я начал писать большие рассказы в старой форме и старым, полустертым языком, на котором, правда, и по сей час еще иной раз дописывается большая литература. Только через год, пожалуй, я понял ошибку и стал перестраиваться по всему фронту. Эта ошибка была естественна. Я родился в интеллигентной семье. Я не был, в сущности, новым человеком и новым писателем. И некоторая моя новизна в литературе была целиком моим изобретением. Мне много пришлось поработать над языком. Весь синтаксис надо было круто менять, чтобы сделать литературную вещь простой и доступной новым читателям. Доказательством того, что я не ошибся, были очень высокие тиражи моих книг. Стало быть, язык, который я взял и который, на первых порах, казался критике смешным и нарочно исковерканным, был, в сущности, чрезвычайно простым и естественным...» / «Обычно думают, – писал он в 1929 году, – что я искажаю «прекрасный русский язык», что я ради смеха беру слова не в том значении, какое им отпущено жизнью, что я нарочно пишу ломаным языком для того, чтобы посмешить почтеннейшую публику. Это неверно. Я почти ничего не искажаю. Я пишу на том языке, на котором сейчас говорит и думает улица. Я сделал это (в маленьких рассказах) не ради курьезов и не для того, чтобы точнее копировать нашу

жизнь. Я сделал это для того, чтобы заполнить хотя бы временно тот колоссальный разрыв, который произошел между литературой и улицей» [Зощенко 1928, 15]. В середине 30-х годов писатель заявлял: «С каждым годом я все больше снимал и снимаю утрировку с моих рассказов. И когда у нас (в общей массе) будут говорить совершенно изысканно, я, поверьте, не отстану от века» [Там же, 17].

Творчество Зощенко постоянно подвергалось околотитулярным нападкам. Случалось так, что его почти не печатали, или вовсе запрещали к печати, исключали из Союза писателей, отказывали в выплате пенсии. До последних дней его обвиняли в пошлости, аполитичности, мещанстве, бытовизме. Ему советовали перестать писать о «мещанском болоте, которое и без того отживает свой век и никого не интересует» (цитата по: [Вольпе 1941, 126]). Заступаясь за образ своего героя, Зощенко писал: «Я не хочу сказать, что у нас все мещане и жулики, и все собственники. Я хочу сказать, что почти в каждом из нас имеется ведь та или иная черта, тот или другой инстинкт мещанина и собственника» [Зощенко 1994, 31]. Для писателя обывательство было не столько качеством сознания героя, сколько знаком некой формы существования человека, образом жизни, особым способом созерцать мир, где быт не олицетворяется и не возрастает до уровня бытия. Следовательно, причиной расхождения взглядов Зощенко и критики была его сконцентрированность на природе человека, которая не сопоставлялась с советской идеей молниеносной «переделки» человека, его герой не соответствовал образцу советской литературы — представителю передовых взглядов и лучших качеств своего класса.

Какими бы различными ни были отклики на искусство Зощенко, признанным является тот факт, что произведения писателя внесли большой вклад в развитие сатирико-юмористической литературы 20-30-х

годов. Его творчество стало примечательным и значимым общественным явлением. Ценность сатиры как литературного жанра во многом возросла благодаря творчеству Зощенко. Писатель сумел передать натуру человека переходной эпохи то в сатирико-юмористическом свете, то в грустно-ироническом, показал, «как совершается историческая ломка» [Зощенко 1935, 403] его характера. Это стало возможным не в последнюю очередь за счет имитации особенностей повседневной массовой речи.

Глава II. Узуальные словоупотребления в прозе М. М. Зощенко.

Классификация нарушений речевой нормы

2.1. Существующие классификации нарушений речевой нормы

На конкретных примерах мы рассмотрели, что же имел в виду М. Зощенко, когда говорил, что он пишет «на том языке, на котором сейчас говорит и думает улица» [Зощенко 1928, 9]. Для исследования узусословоупотреблений в творчестве писателя мы выбрали произведения 20-40х годов: сатирические рассказы и фельетоны (20-30е гг.), «Голубая книга» (1935 г.). Произведения этого периода наиболее ярко выражают сатирическую и юмористическую природу творчества М. Зощенко.

Прежде, чем приступить к классификации речевых неправильностей, наблюдаемых в произведениях писателя и свойственных разговорной речи, мы изучили классификации, которые уже предложены некоторыми лингвистами. Были рассмотрены работы М.С. Соловейчик, М.Р. Львова, Т.А. Ладыженской, Ю.В. Фоменко, И.Э. Савко, С. Н. Цейтлин.

Т. А. Ладыженская разграничивает весь отрицательный языковой материал на ошибки и недочеты на основе соотнесенности с позицией современной лингвистики, «различающей строй языка (систему языковых единиц) и употребление языковых средств в речи» [Ладыженская 1991, 136]. «Ошибка – это нарушение требований правильности речи, нарушение норм литературного языка. Недочет – это нарушение требований правильности речи, нарушение рекомендаций, связанных с понятием хорошей речи, т.е. богатой, точной и выразительной» [Ладыженская 2005, 43].

Ладыженская выделяет две группы нарушений:

1. Грамматические ошибки (ошибки в образовании структуры / формы единицы языка).
2. Речевые ошибки (ошибки в употреблении / функционировании единицы языка).

М. Р. Львов под речевой ошибкой понимает «неудачно выбранное слово, неправильно построенное предложение, искаженную морфологическую форму» [Львов 1979, 39]. В основе классификации М. Р. Львова лежит уровневый принцип, он делит ошибки в соответствии с уровнями системы языка (лексика, морфология, синтаксис). В его классификации выделяются ошибки:

1. Речевые.
2. Неречевые.

В свою очередь речевые подразделяются на лексико-стилистические, морфолого-стилистические и синтаксико-стилистические [Львов 1985, 75].

М. С. Соловейчик нарушения языковой нормы разделяет на две группы: нарушения языковой правильности (отклонения от требований системы языка) и нарушения речевой правильности (отклонения от требований контекста). На основе этого все нарушения речевой нормы делятся на:

1. Грамматические ошибки («ошибки, связанные с нарушением структуры, образования языковых единиц – слов, форм слов, словосочетаний, предложений») [Соловейчик 1979, 20].

2. Речевые недочеты («недочеты, вызванные неумением пользоваться в практике обучения языковыми средствами») [Там же, 21].

Как видим, все три исследователя выделяют две большие группы ошибок: грамматические и речевые. На этом деление не заканчивается.

Так, Т.А. Ладыженская выделяет следующие виды грамматических ошибок: ошибки в словообразовании и в формообразовании. Ошибки в формообразовании, в свою очередь, делятся на ошибки в образовании форм:

1. Имен существительных (*облаки*).

2. Имен прилагательных (*красивше*).
3. Глагола (*хочут*).

М. Р. Львов такие ошибки называет морфолого-стилистическими и относит к ним:

1. Образование диалектных и/или просторечных слов литературного языка (*выстрельнул*).
2. Пропуск морфем (*трудящие* вместо *трудящиеся*).
3. Образование мн. ч. некоторых частей речи, употребляемых только в ед. ч. (*победю, без промедлений*).

Более полная классификация грамматических ошибок представлена М. С. Соловейчиком. В его классификации выделяются ошибки в образовании:

1. Имен существительных:
 - а) неправильно употребление рода (*красная помидора*);
 - б) ошибки в образовании формы род. п. мн. ч. (*много делов*);
 - в) ошибки в образовании падежных форм несклоняемых сущ-х (*за пальтом*);
 - г) ошибки в образовании форм сущ-х на –мя (*языки пламя*);
 - д) ошибки в окончаниях вин. и пр. пад. (*на лбе*).
2. Имен прилагательных (ошибки в образовании форм сравнительной и превосходной степени).
3. Глагола.
4. Личных местоимений (*ихний*).

Кроме того, все три исследователя выделяют ошибки в образовании словосочетаний и предложений. У М. Р. Львова они называются синтаксико-стилистическими ошибками. К ошибкам в структуре словосочетаний эти

исследователи относят нарушение согласования и управления. К ошибкам в структуре предложения – нарушение границ предложения (*Солнце встало. И всё вокруг словно ожило.*), нарушение связи между подлежащим и сказуемым, ошибки в употреблении причастного и/или деепричастного оборота в составе предложения (последнее Львов не выделяет) и пр.

Что касается речевых ошибок, то Ладыженская подразделяет их на:

1. Собственно речевые ошибки (правильность речи).
2. Речевые недочеты (точность, богатство и выразительность речи) [Ладыженская 1991, 165].

К речевым ошибкам относится:

1. Употребление слова в несвойственном для него значении (*В голове у него метнулась мысль*).
2. Смещение видо-временных форм глагола.
3. Неправильное употребление местоимения, приводящее к двусмысленности или неясности высказывания (*Когда Мария прощалась с мамой, она не плакала*).
4. Неоправданное использование диалектных и/или просторечных слов. (Эту ошибку также выделяет Львов).
5. Смещение паронимов.

М. Р. Львов к речевым неправильностям еще относит:

1. Фразеологическую несочетаемость употребляемых слов.
2. Местоименное удвоение подлежащего (*Вася, когда он вернулся в дом, он был в красной кепке*).

К речевым недочетам, которые выделила Ладыженская, относятся:

1. Нарушение порядка слов в предложении (все три автора это выделяют).

2. Плеоназм (Этот недочет также выделяет Соловейчик).
3. Неразличение близких по значению слов и оттенков значений синонимов (*после матча я побрел домой с унылой головой*).
4. Нарушение лексической сочетаемости.
5. Тавтология (выделяют все три исследователя).
6. Однотипность синтаксических конструкций (*Наступила весна. Трава стала зеленеть. Листья на деревьях распустились*).
7. Нарушение стилистической окраски (выделяют все три автора).

С. Н. Цейтлин выделяет нарушения языковой нормы, основываясь на причинах этих нарушений. Главной причиной речевых нарушений она считает «давление языковой системы» [Цейтлин 1982, 54] и выявляет в связи с этим следующие ошибки, типа:

- 1) «Заполнение пустых клеток» (*победю, мечт*);
- 2) «Выбор ненормативного варианта из числа предлагаемых языковой системой» (*украсить – украшать, раскрасить – раскрашать*);
- 3) «Устранение фактов, чуждых языковой системе» (*ехали метром, разные мировоззрения*);
- 4) «Устранение идиоматичности» (употребление идиоматичных слов в несвойственном им значении).

Другая причина речевых неправильностей по Цейтлин – влияние просторечий, в результате которых возникают «просторечные ошибки» (*«Нам много дадено – с нам много и спросится»*. Сочин.).

И третья причина ошибок, выделяемых Цейтлин, – это сложность механизма порождения речи, в результате которой возникают нарушения лексической и синтаксической сочетаемости.

Каждая из рассмотренных позиций имеет свои достоинства. Например, М. Р. Львов дает более полную и разнообразную классификацию грамматических ошибок, а речевые ошибки шире представлены Т. А. Ладыженской.

Но для классификации узуальных конструкций в рассказах и фельетонах Зощенко мы воспользовались работой Ю. В. Фоменко «Типы классификации речевых ошибок» [Фоменко 1994]. Классификация Фоменко является строгой и в то же время достаточно объемной. По мнению исследователя, «ошибка – это нарушение правила (нормы). Из этого следует, что типы речевых ошибок должны выделяться в соответствии с типами правил языка» [Там же, 13]. То есть, сколько правил существует в русском языке (лексические, морфологические, стилистические и т.д.), столько выделяется и типов нарушений. Соответствие правил и их нарушений представлены в таблице 1 (См. приложение А)

2.2. Классификация речевых ошибок по Ю. В. Фоменко

1. **Произносительные ошибки (орфоэпические)**: неправильное произношение звуков, грамматических форм.

А) Собственно орфоэпические ошибки: «*плотит*» (платит), «*тыща*» (тысяча);

Б) Акцентологические – нарушение норм ударения: «*звóнит*», «*áлкоголь*».

2. **Лексические ошибки**: употребление слова в несвойственном ему значении, нарушение правил согласования слов, искажение морфемной структуры слова.

А) Употребление слова в несвойственном ему значении:

- Смещение слов, близких по значению: «*Обратно дождь идет*» (опять);
- Смещение слов, близких по звучанию: *индианка – индейка, экскаватор – эскалатор*;
- Смещение слов, близких по значению и звучанию: *невежа – невежда, абонент – абонемент*.

Б) Словосочинительство: *грузинец, плагиаторство*.

В) Нарушение смыслового согласования (лексической сочетаемости): «*Живописца поразила поза её лица*» (правильно – *её поза, либо выражение лица*).

- Плеоназм: *маршрут движения, темноволосая брюнетка*.
- Тавтология: «*закон есть закон*», *задали задание*.
- Неустраненная многозначность слова: «*Я прослушал передачу*» (выслушал или пропустил?), «*Эту тему следует оставить*» (сохранить или отбросить?).

- Анахронизмы (слова, не соответствующие изображаемой в тексте эпохе): «Беликов запугал весь педколлектив» (всех учителей).

3. Фразеологические ошибки: искажение фразеологизма или употребление его в несвойственном тому значении.

Фоменко выделяет 7 типов таких ошибок:

А) Изменение лексического состава фразеологизма: «Вставлять прутья в колеса» (палки);

Б) Усечение фразеологизма: «Это может быть чревато» (неприятными / тяжелыми последствиями);

В) Расширение лексического состава фразеологизмов: «Пора тебе взяться за свой ум»;

Г) Контаминация фразеологизмов: «Это играет очень большое значение» (играть роль + иметь значение).

Д) Плеонастические сочетания с фразеологизмами: «напрасный мартышкин труд»;

Е) Употребление фразеологизмов в несвойственном значении: «Прошу Вас послать нас с женой в одно место» (пишет студент-выпускник).

3. **Морфологические ошибки:** ошибки в образовании форм слов. (Туфель, полотенцев, по приезду, ихний, ездю и пр.).

4. **Синтаксические ошибки:** нарушение правил синтаксиса (строение словосочетаний и предложений).

А) Неправильное согласование: «Я с отцом поехали на рыбалку» (я поехал / мы поехали);

Б) Неправильное управление: «Мы действуем согласно приказа» (согласно приказу);

- В) Местоименное дублирование подлежащего: *«Пушкин – он великий русский поэт»*;
- Г) Ошибки в конструировании сказуемого: *«Эти люди были борющиеся за свободу»*;
- Д) Отсутствие видо-временной соотнесенности глаголов-сказуемых: *«Придя домой, покушала, а потом отдохну»* (покушала – отдохнула);
- Е) Пропуск членов предложения: *«Весной на реке ломается лед, разливается (?), заливают свои берега»*;
- Ж) Неправильный порядок слов: *«Вдруг слон стал не слушать хозяина»*;
- З) Двойная синтаксическая связь: *«Подготовка охотников для истребления волков и лиц, ответственных за проведение этого мероприятия»*;
- И) Синтаксическая двусмысленность: *«Чтение Маяковского произвело сильное впечатление»* (как читал Маяковский или как читали его стихи?);
- Й) Нарушение синтаксической связи оборотов с предлогами кроме, помимо, вместо: *«Кроме газет и журналов, много занимаюсь спортом»*;
- К) Свободный деепричастный оборот: *«Дворник вел под уздцы лошадь, весело крутя мордой»*;
- Л) Установление отношений однородности между членами простого предложения и частями сложного: *«Серезжа ждал темноты и когда все уснут»*;
- М) Смещение конструкции: *«Как говорят в народе, что не место красит человека, а человек место»* (как говорят в народе, не место красит человека...);

Н) Смешение прямой и косвенной речи: *«Базаров говорит, что мой дед землю пахал»* (Базаров говорит: «Мой дед землю пахал!») / Базаров говорит, что его дед землю пахал).

О) Неправильный выбор союза: *«Я взял в библиотеке книгу, где рассказывается о животных»;*

П) Одновременное использование сочинительного и подчинительного союзов: *«Когда Владимира посадили к медведю в конуру, и он не растерялся и убил медведя»;*

Р) Дублирование союзов: *«Он сказал, что будто бы уже прочитал книгу»;*

С) Неправильная расстановка частей составного союза: *«Мы собрали не только много грибов и ягод, но и поймали белку»;*

Т) Лишнее соотносительное слово в главном предложении: *«Мы смотрели на те звезды, которые усеяли все небо»;*

У) Разноструктурность однородных частей БСП: *«Об ответе Николаева можно сказать следующее: ответ не вполне соответствует плану; желательно использовать больше примеров; не чувствуется собственного отношения к теме».*

5. **Орфографические ошибки:** ошибки в написании, переносе и сокращении слов.

6. **Пунктуационные ошибки:** нарушение правил пунктуации.

7. **Стилистические ошибки:** нарушение норм стилистики. Фоменко выделяет 7 типов стилистических ошибок:

1) Отступление от принципа уместности (нарушение единства стиля, правила стилистического согласования): *«Софья втюрилась в Молчанова»;*

- 2) Отступление от принципа доступности: *«Установление тождества предикативной основы сопоставляемых предложений, относя их к общему ряду грамматического производства...»;*
- 3) Отступление от принципа краткости речи (многословие): *«Кедры нередки в нашей тайге. Они встречаются довольно часто»;*
- 4) Отступление от принципа богатства речи (неоправданные, ненужные повторы): *«Поэт верил в будущее народа, верил, что такой могучий народ, как русский, может завоевать счастье. Он не только верил в это будущее, но и но и призывал к борьбе за него; он верил, что жизнь будет лучше»;*
- 5) Отступление от принципа благозвучия речи (скопление гласных, согласных): *«Не у Ольги, а у Иоанна»;*
- 6) Немотивированное использование тропов: *«В пламенные годы войны он получил тяжелое ранение в грудь и на всю жизнь остался инвалидом»;*
- 7) Отступление от принципа своеобразия речи (использование речевых штампов и универсальных слов): *«Люди в белых халатах», «Ты по какому вопросы плачешь?».*

8. **Логические ошибки:** нарушение норм логики (смешение несовместимых понятий, обнаружение причинных связей там, где их нет и пр.). *«Литературный язык был достоянием всех социальных слоев, даже женщин».*

9. **Фактические ошибки:** нарушение фактической информации. *«Старуха из Юрги» - одна из лучших повестей Горького».*

Классификация, представленная Ю. В. Фоменко, в полном объеме отражает виды речевых нарушений во всех существующих разделах языковой науки (лексика, синтаксис, морфология и др.). Несмотря на то, что данная работа создавалась для изучения ошибок в речи школьников, она

вполне подходит для классификации речевых нарушений в литературных произведениях, в том числе и тех, жанр которых стилизован под просторечную лексику, то есть для произведений, в коих наиболее ярко отражены нарушения языковой нормы. Так как юмористические рассказы и фельетоны М. М. Зощенко являются неиссякаемым объектом исследования речевых нарушений, то выбор четкой и полной классификации – важный шаг в данном исследовании. Классификация Ю. В. Фоменко, по нашему мнению, позволяет наиболее всесторонне рассмотреть все виды узуальных словоупотреблений в произведениях Зощенко, ввиду чего и была выбрана нами для дальнейшего исследования.

2.3. Классификация узуальных словоупотреблений в прозе М. Зощенко

1. Орфоэпические (произносительные ошибки):

1. «— Так вот, этого... — сказал Косоносов, — *авияция*, товарищи крестьяне...» («Агитатор»), [Зощенко 2016, 49-50].
2. «...Строят *еропланы* и летают после» [Там же, 50].

Орфоэпические ошибки часто встречаются в произношении заимствованных слов, особенно в ситуации, когда слово только начинает «осваиваться» в широком употреблении (*авияция* вместо правильного варианта *авиация*, *ероплан* – *аэроплан*).

3. «Отверни *крантик* у подвала и нацеди в кружечку. А то испить охота. Душно!» («Ночное происшествие». Смещение паронимов: *крантик* в значении *кран*, *краник* (ум.).
4. «— Напрасно будете заходить — *номерей* нету» («Голубая книга. «Неудачи») [Зощенко 2016, 220]. (Разговорная орфоэпическая ошибка. Правильно – *номеров*).
5. «Пожалуйста. *Пуццай* гуляет». («Голубая книга. «Рассказ про няню и прибавочная ценность у этой профессии»). (*Пуццай* – *пускай*).
6. «Является. В пеньюаре, в *безбелье*, и туфельки кокетливо надеты на босу ногу» («Альфонс»). (*Фр. дезабилье*).
7. «Василь Иваныч, да обожди немного. Посиди в *колдоре* на сундучке» («Муж»). Правильное слово – *коридор*).

2. Лексические ошибки:

Нарушение лексической нормы в рассмотренных текстах встречается достаточно часто.

• **Употребление слова в несвойственном ему значении, или употребление слов-аггномимов:**

1. « – А что, товарищ, это заседание *пленарное* будет али как?
– *Пленарное*, – небрежно ответил сосед.
– Ишь ты, – удивился первый, – то-то я и гляжу, что такое? Как будто оно и *пленарное*.
– Да уж будьте покойны, – строго ответил второй, – сегодня сильно *пленарное* и *кворум* такой подобрался – только держись.
– Да ну? – спросил сосед. – Неужели и *кворум* подобрался?
– Ей-богу, – сказал второй» [Зощенко 2016, 106] . («Обезьяний язык». Незнание семантики слов «пленарное», «кворум»).
2. «— У вас,— говорит,— полная *девальвация*. Где,— говорит,— печень, где мочевой пузырь, распознать,— говорит,— нет никакой возможности. Очень,— говорит,— вы сносились» [Там же, 108]. («Лимонад». По Ушакову: девальвация, ж. Денежная реформа, заключающаяся в понижении официального курса бумажных денег до их реальной стоимости [Ушаков 1935, 573]).
3. « — Хотя я, прямо скажу, последнее время отношусь довольно *перманентно* к этим собраниям» [Зощенко 2016, 106]. (По Ушакову: перманентный – непрерывный, постоянно продолжающийся. Т.е. употребление слова в несвойственном ему значении [Ушаков 1935, 110]).
4. «— Вот, говорю, я сейчас пойду, только, говорю, присяду на минуточку *по-родственному* и как *альфонс*. Замёрз как собака.../Сел и сажу. А буржуй сконфузился и перестал шептать. Я говорю:
— Вы не стесняйтесь... Я ейный родственник, шепчитесь себе на здоровье» [Зощенко 2016, 93]. («Отхожий промысел». Неправильное употребление слова «*альфонс*». По словарю Ушакова: альфонс, м. (презрит.). Мужчина, получающий плату, содержание от женщины за половую связь с ней [Ушаков 1935, 34]).

5. «—Глядите: больной, и еле он ходит, и чуть у него пар изо рта не идет от жара, а тоже, — говорит, — наводит на всё *самокритику*» («История болезни»). Неправильно употребление слова «самокритика». По Ушакову самокритика – критика своих ошибок, выявление недостатков в своем поведении [Ушаков 1935, 26]).

6. «И когда этот третий гражданин закачался и вообще, видимо, ослаб от частых ударов по разным наружным органам тела, тогда я решил позвать милиционера, чтобы прекратить *истребление* этого благородного организма» («Драка»). (В данном примере неуместно употреблено слово «истребление», ввиду незнания его точной семантики. Истребление, как правило, соотносится с множественным числом или с обозначением однородного множества: истребление насекомых, истребление лесов, истребление вражеской армии и пр.).

7. «*Засупонивай*, я говорю, ее под лавку» («Гримаса нэпа»). (Незнание семантики слова «супонь». По Ушакову: это ремень для стягивания клешней хомута при затяжке лошади [Ушаков 1935, 132]). «Засупонивай» – можно понимать как «стягивай», а в примере это слово употреблено в противоположном значении: (разг.) засовывай под лавку).

8. «И сам без ничего стоит около ящика своего – и прямо *не имеет никакой перспективы*» («Голубая книга. «Рассказ о банях и их посетителях»). (Слово «перспектива» употреблено в несвойственном ему значении. В данном примере под перспективой понимается то, что человек не знает, что ему делать дальше, т.к. у него украли в бане штаны).

- **Словосочинительство:**

1. «Ему сделали строгий выговор с предупреждением и сказали, чтоб в другой раз он не пускался бы на подобное *аранство...*» («Голубая книга. «Хитрость, допущенная в одном общежитии»). По Ожегову «арап – плут, мошенник. На арапа (разг.) – плутовски, путем обмана [Ожегов 1974, 79.]. Слово *аранство* употреблено в значении *хулиганство, мошенничество*).

2. «Может, помните – негры к нам приезжали. В прошлом году. Негритянская *негрооперетта*» («Душевная простота»).

3. «И вижу – какой-то человечиска действительно лежит на *плитуаре*» («Гибель человека»). (Контаминация: *плитуар* (образовано от слов плитка и тротуар)).

• ***Нарушение смыслового согласования (лексической сочетаемости):***

1. « — Не по правилу это, — решили люди, осматривая лисью шубу. — *Очень это не по правилу*» [Зощенко 2016, 4]. («Война»).

2. « — Да, замечательная красота, — сказал Вася, глядя с некоторым изумлением на облупленную штукатурку дома. — Действительно, *очень красота...*» [Там же, 53]. («Любовь»).

3. «Это всё я, уважаемый товарищ, *очень сильно понимал*» («Крестьянский самородок»).

4. «*Очень уж глубоко интересная* личность» («Административный восторг»).

В этих примерах является очевидным неправильная сочетаемость слов с наречием «очень».

5. «ПРОДАЕТСЯ ДЕВКА

Умеет шить и *неприхотливо готовить*.

Цена той девке 75 рублей серебром» («Дефективные люди». Несочетаемость слов «неприхотливо готовить». Правильно: неприхотливый человек, неприхотлив в еде и т.п.).

6. «Некоторые из нашей квартиры, желая загладить перед стариком свои *неуклюжие шутки*, пошли его провожать на вокзал» («Огни большого города». Прилагательное «неуклюжие» не сочетается с существительным «шутки». Правильно: неуклюжий человек, неуместные/глупые шутки).

7. «Но не пройдёт и полгода, как всё переменится, и это будет вполне сознательный товарищ, спутник трудовой жизни, полноправный

гражданин, у которого на первом месте будут разные *ответственные мысли* и классовый интерес, а уж потом всё такое остальное» («Горько». «Ответственные» не сочетается со словом «мысли». По Ушакову «ответственный – такой, на которого возлагается ответственность; самостоятельный, несущий ответственность за свои действия» [Ушаков 1935, 370]. Ответственным может быть человек, но не мысли).

8. «Но тут *ударило* самое большое *горе* – он ослеп» («Голубая книга. «Неудачи»). (Слово «ударило» не сочетается со словом «горе». Правильно: случилось горе).

9. «Наш техник, *имея головокружение*, начинает говорить уже на каком-то старорежимном наречии...». («Голубая книга. «Рассказ о банях и их посетителях»). (Деепричастие «имея» не сочетается с существительным «головокружение». Правильно: страдая головокружением).

10. «И пища жирная, и уход внимательный, и на весах вешают, и скука между тем» («Чудный отдых»). (Нарушение лексической сочетаемости).

- **Тавтология:**

1. «Дело это, не спорю, громадной важности — Советскую Россию *светом осветить*» [Зощенко 2016, 100] («Бедность»).

2. «Представьте себе — *весна, весеннее* солнышко играет» («Административный восторг»).

3. «*Шагу* не дают *шагнуть*» (Там же, 100).

4. «И пища жирная, и уход внимательный, и *на весах вешают*, и скука между тем» («Чудный отдых»).

- **Плеоназм:**

1. «Молоденькая такая, хорошенькая из себя. *Чёрненькая brunеточка...*» [Там же, 22] («На живца». По Ушакову: брюнетка – темноволосая, преимущ. черноволосая женщина [Ушаков 1935, 211]).

2. «Но потом простуда перешла к нему на грудь, и температура вдруг поднялась *до плюс сорока градусов выше нуля*» («Огни большого

города». Знак плюс на градуснике – это всегда положение больше/выше нуля).

3. «Меньше чем через год у нас с супругой *небольшой ребенок рождается*» («Кризис». Является очевидным, что ребенок рождается маленьким, поэтому уточнение «небольшой» - лишнее).

- **Вульгаризмы** (слова просторечной лексики, не допустимые в литературном языке):

1. «Руки,— говорит,— свои я не хочу пачкать о ваше *хайло...*» («Жертва революции»).

2. «Сижу на верхотурье и *ни хрена* не вижу» («Аристократка»).

3. «Протри глаза, *старый хрен*». («Неизвестный друг»).

4. «— Объяснитесь, что вы за человек, и почему за вами какая-то *дрянь* наблюдается?» («Нахальство»).

5. «— Мне же, — говорит,— *морду* набили, меня же и судить будут» (Там же).

6. «...И *мордоворот* мне ваш нравится» («Жених»).

- **Советизмы** (слова, сформировавшиеся в советскую эпоху):

1. «Тут, конечно, одна *нэпманша* из кондукторов трезвонит, конечно, во все звонки, и вагон останавливается» («Мещане»).

2. «До второго этажа, если на плечи *управдому* встать, то и рукой дотянуться можно» («Утонувший домик»).

3. «А костюмчик известно какой — рабочий, *дрянь* костюмчик, вроде *прозодежды*» («Рабочий костюм»).

4. «— Я, — говорит, — может сейчас сяду и поеду в Малый *Совнарком* жаловаться на ваши действия» («Рабочий костюм». По Ушакову «Совнарком - сокращение слов: Совет Народных Комиссаров» [Ушаков 1935, 351]. Совнарком – высший исполнительный и распорядительный орган государственной власти СССР).

5. «Мне только-только в начале *нэпа* сорок три года стукнуло» («Лимонад»).

б. «Одной наплёл, что он — секретарь *полпреда*» («Нахальство»).

3. Фразеологические ошибки:

1. «Ну, а если коснуться *жизни более высокого полета* и взять там разных графов, баронов и купцов, то эти господа ... тоже мало себе представляли, какого цвета любовь» («Голубая книга. «Любовь»). (Изменение лексического состава фразеологизма «птица высокого полета»).
2. «Красная газета» пишет «*черным по серому*» («Дни нашей жизни»). (Изменение лексического состава фразеологизма «черным по белому»).
3. «Ну, старушка, *божий цветочек*, в слезы» («Брак по расчету»). (Изменение лексического состава фразеологизма «божий одуванчик»).
4. «Так нет, навалилось тут на меня, прямо скажу, за ни про что все такое» («Чертовинка»). (Изменение лексического состава фразеологизма «ни за что, ни про что»).
5. «*Дрались*, конечно, *от чистого сердца*. Инвалиду Гаврилову последнюю башку чуть не оттяпали» («Нервные люди»). (Употребление фразеологизма «от чистого сердца» в несвойственном ему значении в сочетании с глаголом «дрались»).
6. «И, наконец, *слег* человек, прямо скажем, *без задних ног*» («Мелкота»). (Употребление фразеологизма «без задних ног» в несвойственном ему значении).
7. «В ней, по правде сказать, ровнехонько ничего хорошего нет. Только что фигура, а так-то *ни кожи, ни грации*» («Мадонна». Изменение лексического состава фразеологизма «ни кожи, ни рожи»).
8. «Полное раскрепощение, к свету *нога об руку* с наукой и техникой» («Светлый гений». Изменение лексического состава фразеологизма «рука об руку»).

9. «В этой бане каждый день *кражи воруют*» («Голубая книга. «Рассказ о банях и их посетителях». Искажение фразеологического оборота «кражи совершают»).

4. Морфологические ошибки:

Ошибки в употреблении форм разных частей речи, таких, как:

- Местоимения

1. «— Это, говорит, пустяки — *ихняя* вера». («Исповедь»).
2. «На другой день, знаете, *ихний* дворник Семен приносит стакан». («Стакан»).
3. «Тут еще третий гражданин. *Ихний* приятель». («Драка»).

В примерах 1-3 – неправильное употребление притяжательного местоимения «их», которое не склоняется.

4. «У *ей* и шуба, — снова сказал Вася, — и калоши, а я отдувайся за всех...». («Любовь». Правильно: у нее).

5. «Скинул я с телеги *ейное* имущество...». («Жених». Правильно: её имущество).

- Глаголы

1. «— Отцепляйтесь, товарищ! Задние тоже *хочут*». («Кинодрама»).

2. « — *Ложь*, — говорю, — *взад!*». («Аристократка». Правильно употреблять в данном случае глагол *клади* или *положи*; наречие *взад* – разг.форма, правильно употребить наречие *назад* или *обратно, на место*).

3. «Которые без денег – *не ездют* с дамами». (Там же. Неправильная форма глагола *ездить*. Правильно: не ездят).

- Имена существительные

1. «И зуб *во рте* блестит». («Аристократка»).
2. «Надеваю эти штаны, иду за *пальтом*». («Баня»).
3. «— Это, — говорит, — каждый гражданин настрижет веревок — *польт* не напасешься». («Баня»).
4. «— *Польта*, — говорят, — сымайте». («Прелести культуры»).

В примерах 2-4 видим склонение несклоняемого существительного «пальто».

5. «Устали от этих *квартирных делов*». («Летняя передышка». Неправильное падежное окончание существительного «дел»).

6. «*Курей* и жареных *утей* у нас, — говорит, — не будет а паштетов тоже не предвидится». («Стакан». Правильно: куриц и уток).

7. «За мной,— говорит,— никаких преступных *делов* нету» («Нахальство». Правильно: преступных дел).

- Предлоги

1. «И даже, я так думаю, *через это* может разрыв произойти». («Опасные связи». Смещение предлога *через* и *из-за*. Правильно: из-за этого может...).

2. «И, может быть, стараясь еще больше, он однажды, разгорячившись своим ночным трудом, выскочил на улицу *с тем*, чтобы пойти домой, и, конечно, *через это* простудился на своем, так сказать, кулинарном посту». («Огни большого города». Смещение предлогов *с* и *за*, *через* и *из-за*. Правильно: выскочил на улицу за тем...; ...из-за этого простудился).

3. «Вы не можете помереть *через* эту вашу болезнь». («Больные». Смещение предлога *через* и *из-за* / *через* и *от*. Правильно: ...из-за этой болезни).

4. «Я,— кричит,— тебя, длинновязый чёрт, в гроб загоню, если ты мне до пушкинских дней печку не переложешь. Я,— говорит,— *через неё* угораю и не могу стихов писать». («В пушкинские дни». Смещение предлога *через* и *из-за* / *от*).

- Имена прилагательные

1. «Еще бы – пушка трехдюймовая, *пушкино* дуло больше лошади». («Война». Неправильный способ образования прилагательного от существительного «пушка». Правильно: дуло пушки).

2. «Неэтично, что ли, ему жениться на такой слишком яркой особе, у которой только и делов, что свою фигурку *покрасивей* нарядить». («Горько». Неправильная форма сравнительной степени прилагательного «красивый»).

3. «Но только вот беда — у делопроизводителя квитанции немного *более крупнее*, чем это требуется для штрафа». («Об уважении к людям». Неправильная форма образования степени сравнения. Правильно: более крупный, либо крупнее).

5. Синтаксические ошибки:

1. «— Знаете, я прямо *удивляюсь на современную публику*» («Голубая книга. «История с переодеванием». Неправильное управление: удивляться (кому? чему?) публике).
2. «Однако, *кроме как на Волге*, большие неудачи случаются также в *банях*» («Голубая книга. «Происшествие на Волге». Нарушение синтаксической связи оборота с предлогом *кроме как*. Употребление конструкции *кроме как* всегда предполагает наличие отрицания в главной части предложения, например: «Однако, ничего интересного там, внизу, не было, *кроме как* стлалась по белу свету косая да мокрая метель» Леонов, Вор, ч. 3 1927. Помимо этого, здесь наблюдается несоразмерность сопоставляемых объектов, т.е. логическая ошибка).
3. «Этот рыцарь купил у монаха ордер на отпущение *того* греха, *который* он намерен исполнить». («Голубая книга. «Деньги». Употребление ненужного соотносительного слова в главном предложении).
4. «У меня вот тоже недавно чемоданчик унесли, *не доезжая Жмеринки*» («Воры». Синтаксическая двусмысленность: украли чемодан у человека, который еще не доехал до Жмеринки, или украли чемодан в месте, которое было недалеко от Жмеринки?).

6. Стилистические ошибки:

1. «— Петя, — говорит, — не надо её из револьверу бить. Сейчас, может быть, она под ворота *удалится*» («Административный восторг». Речь идет о свинье. *Свинья – удалится* – смешение лексики низкого и высокого стиля, нарушение принципа уместности).

2. «*Очень великолепно*» («Голубая книга. «Таинственная история, кончившаяся для одних печально, для других удовлетворительно»). (Избыточное употребление наречия степени «очень». Слово «великолепно» само по себе представляет высокую оценку чего-либо, не требуя при себе дополнительных средств выражения этой оценки).

3. «В этом году в Зимнем дворце разное *царское барахлишко* продавалось» («Царские сапоги». Нарушение стилистической сочетаемости слов «царское» и «барахлишко»).

4. «В театре-то все и вышло. В театре она и развернула свою *идеологию* во всем объеме» («Аристократка». Стилистически и семантически неуместное употребление слова «идеология»).

5. «Ты, зараза, не ори на меня. *Не подрывай авторитета* в глазах буржуазии» («Мелкий случай». Стилистически неуместное употребление слова «авторитет»).

6. «Я за пять лет революции, можно сказать, на опыте проследил: ... гуся с кашей съел, поросенка *вкусил* - и пожалуйста - поэзии хочется, звуков – любовное томление, одним словом» («Мадонна»)

7. «Сядет он, бывало, на крыльцо, *очи* в крышу и мечтает» («Свиное дело». Слова «вкусил» и «очи» имеют «высокую» стилистическую окраску и не подходят к бытовому контексту данных высказываний).

7. Логические ошибки:

1. «Конечно, кашель поднялся, насморк, хрипы, *температура минус сорок градусов*» («Голубая книга. «Рассказ про одного спекулянта»). (Смешение понятий: температура тела человека не может быть минус сорок градусов; либо незнание семантики слов «плюс» и «минус»).

Итак, взяв за основу для нашей практической работы классификацию речевых неправильностей Ю. В. Фоменко, мы структурировали основные узуальные словоупотребления в произведениях Зощенко 20-40-х годов. Из классификации видно, что наиболее часто в рассматриваемых текстах Зощенко встречаются лексические ошибки (употребление слова в несвойственном ему значении, нарушение лексической сочетаемости), морфологические ошибки (неправильное употребление форм различных частей речи), стилистические ошибки (смешение разностилевой лексики), а кроме этого встречаются фразеологические, синтаксические, орфоэпические и логические ошибки. По представленным разновидностям узуальной лексики, встречающейся в рассказах данного писателя, мы можем сделать вывод о том, что зощенковский герой – человек крайне малограмотный или совсем не образованный, но стремящийся подражать высшей страте, о чем свидетельствует частное смешение в его речи слов низкого и высоко стиля, а также употребление слов в несвойственных им значениях, из-за незнания героем семантики этих слов.

Проделанная работа по классификации речевых нарушений в произведениях М. М. Зощенко может быть использована для разработки уроков русского языка и литературы в школе. В приложении мы представили один из примеров актуального использования данной классификации в форме материала для школьного курса русского языка (См. приложение Б).

Заключение

Подводя итог проделанной работе, следует сказать, что мы решили поставленные для исследования задачи.

Во-первых, мы проанализировали культурно-речевую ситуацию в России 20-30х годов. Это было необходимо для того, чтобы понять, на каком уровне грамотности находилось советское общество, в частности его рабоче-крестьянские слои. Так как в сатирических и юмористических произведениях Зощенко героем выступает простой малообразованный и безграмотный рабочий человек или мещанин, то важно было определить соотношение реальности / ирреальности изображаемых Зощенко народных масс. В первой главе мы проанализировали некоторые документы, работы, в которых поднимается тема уровня грамотности в период ликбеза и после него. Краткий обзор общественной ситуации в СССР 20-30х годов показывает, что итоги культурных преобразований в жизни страны были неоднозначными. С одной стороны, грамотность населения возросла, с другой же стороны, есть большое количество доказательств того, что значительный процент населения оставался малограмотным. Это было связано с тем, что специфическими чертами ликбеза были, во-первых, высокая степень политизированности процесса, что обуславливалось главной целью большевиков – созданием нового общества с господством партийной бюрократии; во-вторых, ускоренными и ужесточенными темпами данного процесса, что сказывалось на качестве преобразований; в-третьих, ликвидация неграмотности – значительный, но лишь первый шаг на пути к достижению населением реального культурного уровня.

По многим источникам, ликбез устранил острую проблему неграмотности советского крестьянства, но все же немалый процент населения оставался безграмотным или малограмотным. Отсюда следует вывод о том, что герой рассказов Зощенко вполне мог реально существовать

в 20-30е годы, о чем говорил и сам писатель. Кроме того, многие лингвисты отмечают в языке советской эпохи 20-30х годов значительные изменения (А. М. Селищев, Е. Д. Поливанов, А. М. Пешковский, Г. О. Винокур и др.), такие как упрощение языка, политизация (наличие в языке элементов политических, агитационных, партийных текстов), появление вульгаризмов, семантических неологизмов, канцеляризмов.

Следует сказать, что такие изменения в языке характерны для любого переломного периода в развитии страны. Об этом говорит Г.О. Винокур в книге «Критика поэтического текста», а также А. Д. Васильев, который в работе «Слово в российском телеэфире: Очерки новейшего словоупотребления», затрагивает тему влияния переломного времени на практику использования лексико-фразеологических ресурсов языка [Васильев 2003, 46-103].

Во-вторых, мы выявили основные формы отклонения от литературной нормы в произведениях Зощенко 20-40-х годов и проанализировали структурировали их, подобрав подходящую классификацию. Для выбора наиболее удачной классификации мы рассмотрели работы М.С. Соловейчик, М.Р. Львова, Т.А. Ладыженской, Ю.В. Фоменко, И.Э. Савко, С. Н. Цейтлин. Но для классификации узуальных конструкций в рассказах и фельетонах Зощенко мы воспользовались работой Ю. В. Фоменко «Типы классификации речевых ошибок» [Фоменко 1994]. Классификация Фоменко является строгой и в то же время достаточно объемной. По мнению исследователя, «ошибка – это нарушение правила (нормы). Из этого следует, что типы речевых ошибок должны выделяться в соответствии с типами правил языка» [Там же, 13]. То есть, сколько правил существует в русском языке (лексические, морфологические, стилистические и т.д.), столько выделяется и типов нарушений. Соответствие правил и их нарушений представлены в таблице 1.

Классификация, представленная Ю. В. Фоменко, в полном объеме отражает виды речевых нарушений во всех существующих разделах языковой науки (лексика, синтаксис, морфология и др.). Несмотря на то, что данная работа создавалась для изучения ошибок в речи школьников, она вполне подходит для классификации речевых нарушений в литературных произведениях, в том числе и тех, жанр которых стилизован под просторечную лексику, то есть для произведений, в коих наиболее ярко отражены нарушения языковой нормы. Так как юмористические рассказы и фельетоны М. М. Зощенко являются неиссякаемым источником исследования речевых нарушений, то выбор четкой и полной классификации – важный шаг в данном исследовании. Классификация Ю. В. Фоменко, по нашему мнению, позволяет наиболее точно рассмотреть все виды узуальных словоупотреблений в произведениях Зощенко, ввиду чего и была выбрана нами для исследования.

В-третьих, мы разработали материалы для элективного курса русского языка в школе в форме конспекта урока (на основе классификации речевых нарушений в произведениях Зощенко). Материалы представлены в Приложении.

Взяв за основу для нашей практической работы классификацию речевых неправильностей Ю. В. Фоменко, мы структурировали основные узуальные словоупотребления в произведениях Зощенко 20-40-х годов. Наиболее часто в рассматриваемых текстах Зощенко встречаются лексические ошибки (употребление слова в несвойственном ему значении, нарушение лексической сочетаемости), морфологические ошибки (неправильное употребление форм различных частей речи), стилистические ошибки (смещение разностилевой лексики), а кроме этого наблюдаются фразеологические, синтаксические, орфоэпические и логические ошибки.

Цель, поставленная нами, достигнута: мы выявили и проанализировали специфические черты прозы Зощенко, а именно её речевые особенности, в произведениях писателя 20-40-х годов. По представленным разновидностям узуальной лексики, встречающейся в рассказах данного писателя, мы можем сделать вывод о том, что зощенковский герой – человек крайне малограмотный или совсем не образованный, но стремящийся подражать высшей страте, о чем свидетельствует частое смешение в его речи слов низкого и высоко стиля, а также употребление слов в несвойственных им значениях, из-за незнания героем семантики этих слов; можно сказать, что зощенковский герой «мимикрирует».

Поднимая проблему литературно-художественного изображения культурно-речевой ситуации в России 20-30х годов XX века в рассказах и фельетонах М. М. Зощенко, мы пришли к выводу о том, что писатель, вопреки всем обвинениям в мещанстве, пошлости и коверкании русского языка, отображал ту культурно-речевую ситуацию, которая действительно была характерна для советской эпохи 20-30-х годов. Заступаясь за образ своего героя, Зощенко писал: «Я не хочу сказать, что у нас все мещане и жулики, и все собственники. Я хочу сказать, что почти в каждом из нас имеется ведь та или иная черта, тот или другой инстинкт мещанина и собственника» [Зощенко 1994, 31]. Для писателя обывательство было не столько качеством сознания героя, сколько знаком некой формы существования человека, образом жизни, особым способом созерцать мир, где быт не олицетворяется и не возрастает до уровня бытия. Следовательно, причиной расхождения взглядов Зощенко и критики была его сконцентрированность на природе человека, которая не сопоставлялась с советской идеей молниеносной «переделки» человека, его герой не соответствовал образцу советской литературы — представителю передовых взглядов и лучших качеств своего класса.

Какими бы разносторонними ни были отклики на искусство Зощенко, признанным является тот факт, что произведения писателя внесли большой вклад в развитие сатирико-юмористической литературы 20-30-х годов. Его творчество стало примечательным и значимым общественным явлением. Важность сатиры как литературного жанра во многом возросла благодаря творчеству Зощенко. Писатель сумел передать натуру человека переходной эпохи то в сатирико-юмористическом свете, то в грустно-ироническом, показал, «как совершается историческая ломка» [Зощенко 1935, 403] его характера.

Библиографический список

1. Cathy Popkin. The Pragmatics of Insignificance: Chekhov. Zoshchenko, Gogol. Stanford: Stanford University Press, 1993.
2. Азимов З.Г., Щукин А.Н. Новый словарь методических терминов и понятий / З. Г. Азимов, А. Н. Щукин. – М.: ИКАР, 2010. – 448 с.
3. Белявский, А. Очень странный классик // Русская мысль [La pensee russe]. Париж. – 1993. – № 3990. – 29 июля–4 августа. – С. 13
4. Большой энциклопедический словарь: [А — Я] / Гл. ред. А. М. Прохоров. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Большая рос. энцикл.; СПб.: Норинт, 2002. – С. 1408.
5. Бондаренко, О. В. Русский язык и культура речи [Электронный ресурс]: учебное пособие/ Бондаренко О.В., Кострулева И.В., Попов Е.П.— Электрон. текстовые данные.— Ставрополь: Северо-Кавказский федеральный университет, 2014.— 246 с.— Режим доступа: <http://www.iprbookshop.ru/63005.html>.— ЭБС «IPRbooks»
6. Васильев А.Д. Слово в российском телеэфире: Очерки новейшего словоупотребления. – М.: Флинта, 2003, 224 с.
7. Виноградов, В. В. Язык и стиль русских писателей. От Гоголя до Ахматовой // В. В. Виноградов. Избранные труды. / Отв. ред. А. П. Чудаков. – М.: Наука, 2003. — 390 с.
8. Винокур, Г. О. Культура языка / Г. О. Винокур. – М.: КомКнига, 2010. – 352 с.
9. Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б) – ВКП(б), ВЧК – ОГПУ – НКВД о культурной политике. 1917—1953 / Под редакцией А. Н. Яковлева; сост.: А. Н. Артизов и О. В. Наумов. — М.: Международный фонд «Демократия» (Фонд Александра Н. Яковлева), 1999. – 868 с.

10. Волков А. Г. Перепись населения 1937 года: вымыслы и правда. // Перепись населения СССР 1937 года. История и материалы. / Экспресс-информация. Серия "История статистики". – № 3-5. – 1990.
11. Вольпе, Ц. Двадцать лет работы М.М. Зощенко // Литературный современник. – 1941. – № 3. – С. 128-148.
12. Головин Б.Н. Основы культуры речи: Учеб. Пособие / Б. Н. Головин. – М.: Высшая школа, 1980. – 320 с.
13. Гольдин, В. Е. Учебник для студентов-нефилологов / В. Е. Гольдин, О. Б. Сиротинина, М. А. Ягубова. – Саратов: Изд-во СГУ, 2001. – 212 с.
14. Горький М. и советские писатели. Неизданная переписка // Глав. ред. И.И. Анисимов. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – 736 с.
15. Горький, М. Собр. соч.: в 30 т. / М. Горький. – М. Изд-во художественной литературы, 1953. – Т. 24. – с. 491
16. Граудина, Л. К. Культура русской речи: Учебник для вузов / Под ред. Л.К. Граудиной, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева. – М.: Норма: ИНФРА, 2000. – 341 с.
17. Граудина, Л.К. Культура русской речи. / Учебник для вузов. Л. К. Граудина, Е. Н. Ширяев – М.: Издательская группа НОРМА-ИНФРА, 1999. — 560 с.
18. Даренская, Н. А. Проза М. М. Зощенко в литературном контексте рубежа XIX-XX вв.: дис...канд. филол. н. – Барнаул, 2000.
19. Дымшиц, А. Л. Голубая книга Зощенко // Резец. – Л., 1936. – № 6. – с. 19.
20. Ершов, Л. Ф. Из истории советской сатиры: М. Зощенко и сатирическая проза 20-40-х годов / Л. Ф. Ершов. – Л.: Наука, 1973. – 155 с.
21. Ершов, Л. Ф. Михаил Зощенко / Зощенко М. М. Избранное. Т. 1 – М., 1978. – 512 с.

22. Жиромская В. Б. Всесоюзная перепись населения 1937 года: общие итоги. // Сб. док. и материалов / сост. В.Б. Жиромская, Ю.А. Поляков. – М.: РОССПЭН, 2007. – 320 с.
23. Зощенко, М. М. Голубая книга. – Изд.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2013. – 347 с.
24. Зощенко, М. М. О мещанстве // Лицо и маска Михаила Зощенко / Сб.: Сост. Ю. М. Томашевский. – М., 1994. – С. 96.
25. Зощенко, М. М. Письма к писателю. / М. М. Зощенко. – Л.: Издательство писателей в Ленинграде, 1929. – 152 с.
26. Зощенко, М. М. Прелести культуры: сборник / М.М. Зощенко. – М.: АСТ, 2016. – 416 с.
27. Зощенко, М. М. О моей трилогии // Литературный Ленинград. – 1935. – № 10.
28. Зощенко, М. О себе, о критиках и о своей работе /Михаил Зощенко. Статьи и материалы. – Л., Academia, 1928. – с. 8-21
29. Иванова, Н. Михаил Зощенко. Печальный гений смеха. Предисловие / М. Зощенко. Повести. Рассказы. – М.:Эксмо, 2007. – 832 с.
30. Игнатова, Е. Новый Гоголь родился... / Е. Игнатова // Иерусалимский журнал. – 2001. – № 7.
31. Ипполитова, Н. А. Русский язык и культура речи: учебник / Н. А. Ипполитова, О. Ю. Князева, М. Р. Савова. – М.: Проспект, 2011. – 440 с.
32. Ипполитова, Н.А. Русский язык и культура речи: Учебник / Н. А. Ипполитова, О. Ю. Князева, М. Р. Сивова. – М.: ТК Велби: Проспект, 2006. – 284 с.
33. Исаева, Л. А. Языковые особенности рассказов М. М. Зощенко / Л. А. Исаева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. –2016. – № 7, ч.3. – с.93-96
34. История России. Век XX. 1894-1939 // под ред. А.Б.Зубова. – М.: АСТ-Астрель, 2010. – 847 с

35. Карцевский С. И. Язык, война и революция // Карцевский С. И. Из лингвистического наследия. – М.: 2000, с.215-266
36. Кириллов, В. Т. Стихотворения / Поэты Революции. Русская поэзия первых десятилетий Советской власти о Великом Октябре / Сост. Вл. Муравьев. – М.: «Правда», 1987. – 191 с.
37. Костомаров В.Г. Старые мехи и молодое вино: Из наблюдений над русским словоупотреблением конца XX века / В. Г. Костомаров, Н. Д. Бурвикова. – СПб.: Златоуст, 2001. – 197 с.
38. Костомаров, В.Г. Языковой вкус эпохи: из наблюдений над речевой практикой масс-медиа / В. Г. Костомаров. – СПб.: Златоуст, 1999. – 330 с.
39. Крупская Н. К. Педагогические сочинения в 10 томах / Педагогические сочинения. Том 7: Основы политико-просветительной работы // Под ред. Н. К. Гончарова, И. А. Каирова, И. В. Чувашева. – М.: Изд-во АПН, 1959. — 751 с.
40. Куляпин, А. Замаскирован смехом // Звезда. Л., 1995. - № 8. – с. 198-201
41. Ладыженская, Т. А. Методика развития речи на уроках русского языка: книга для учителя: рек. М-вом образования РСФСР / [Н. Е. Богуславская, В. И. Капинос, А. Ю. Купалова и др.]; под ред. Т. А. Ладыженской. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва: Просвещение, 1991. – 240 с.
42. Ладыженская, Т. А. Текстовые умения. Как им учить? / Т. А., Н. В. Ладыженская // Начальная школа плюс До и После, 2005. – № 5.
43. Ленин, В. И. Сочинения (1919-1920), т. 30. – М. : Изд. политической литературы, 1973. – 274 с.
44. Лурье, С. Михаил Зощенко: клоун, философ, закрытое сердце // Нева. – 2001. – № 4. – С. 214–219
45. Львов, М. Р. Методика обучения русскому языку в начальных классах: Учеб.пособие для студентов пед. ин-тов по спец. «Педагогика и

- методика нач обучения» / Т. Г. Рамзаева, М. Р. Львов. – М.: Просвещение, 1979. – 431 с.
46. Львов, М. Р. Методика развития речи младших школьников: пособие для учителя / М. Р. Львов. – 2-е изд., перераб. – М.: Просвещение, 1985. – 176 с.
47. Мандель, Б. Р. Русский язык и культура речи: история, теория, практика: учеб. Пособи / Б. Р. Мандель. – М.: Вузовский учебник; Инфра-М, 2011. – 267 с.
48. Молдавский Д. М. Михаил Зощенко. Очерк творчества. – Л.:Сов.Писатель, 1977. – 278 с.
49. Неизвестный советский гражданин, которого звали Зощенко. По страницам эмигрантских изданий 1920–1930-х годов. (Публ. Ю. Томашевского, С. Федякина и О. Коростелева) // Дружба народов. — 1993. — № 8. — С. 200–216
50. Обнорский, С. П. Русский литературный язык: Вехи истории / С. П. Обнорский. – М.: Издательство ЛКИ, 2010. – 168 с.
51. Ожегов С. И. Лексикология. Лексикография. Культура речи / С. И. Ожегов. – М., 1974. – С. 276-285
52. Писатели о «Голубой книге» // Литературный Ленинград. 1936. – 14 марта. – С. 3.
53. Поливанов Е.Д. Закон перехода количества в качество в процессах историко-фонетической эволюции // Е.Д. Поливанов. Статьи по общему языкознанию. М.: Наука, 1968. – 376 с.
54. Поляков Ю.А., Жиромская В.Б., Киселев И.Н. Полвека под грифом «секретно». – М.: Наука, 1996. – 152 с.
55. Розенталь, Д. Э. Словарь-справочник лингвистических терминов / Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова. – М.: Просвещение, 1985. – 399с.
56. Российская педагогическая энциклопедия в двух томах: Том II // Гл. ред. В.В. Давыдов. – М.: Научное издательство «БОЛЬШАЯ РОССИЙСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ», 1999. – 608 с.

57. Рубен Б. С. Зощенко / Б. С. Рубен // Жизнь замечательных людей: Сер. биог.; вып. 975 – М.: Молодая гвардия, 2006. – 571 с.
58. Русский язык: энциклопедия / гл.ред. Ю. Н. Караулов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. Большая рос. энцикл.: Дрофа, 1997. – 721 с.
59. Сапрыкин Д.Л. Образовательный потенциал Российской Империи. – М.: ИИЕТ РАН, 2009. – 176 с.
60. Сарнов, Б. М. Свифт, принятый за Аверченко / Б. М. Сарнов // Литература. – 1996. - №12. – с.17
61. Селищев А. М. Язык революционной эпохи. Из наблюдений над русским языком (1917-1926). – М.: УРСС, 2003. – 247 с.
62. Синявский, А. Мифы Михаила Зощенко // Вопросы литературы. – 1989. – № 2. – С. 50–67.
63. Сиротина, О.Б. Все, что нужно знать о русской речи: пособие для эффективного общения / О. Б. Сиротина. – М.: URSS, 2010. – 218 с.
64. Скворцов, Л. И. Большой толковый словарь правильной русской речи: 8 000 слов и выражений. – М.: Оникс, 2009. – 1104 с.
65. Скворцов, Л. И. Культура русской речи: Словарь-справочник: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / Л. И. Скворцов. 2-е изд., испр. и доп. – М.: Издательский центр «Академия», 2006. – 224 с.
66. Скворцов, Л.И. Экология русского слова, или Поговорим о культуре русской речи: Книга для учащихся / Л. И. Скворцов. – М.: Просвещение, 2009. – 212 с.
67. Сковородников А.П. Об элитарном (полнофункциональном) типе речевой культуры и культуре речи // Мир русского слова. – СПб., 2008. – № 2. – С. 27-30
68. Соловейчик, М. С. Нарушение языковых норм в письменной речи младших школьников// Начальная школа. – 1979. – №4. – С. 19 – 23.
69. Старков, А. Н. Михаил Зощенко: судьба художника. – М.: Советский писатель, 1990. – 256 с.

70. Стрижак, Н. Самый веселый писатель. Самая нелепая судьба... // Смена. – 1992. – с.11
71. Сулькевич С. И. Культурное строительство СССР. Статистический сборник / С. И. Сулькевич. – М.-Л.: Госпланиздат, 1940. – 302 с.
72. Сухомлинский, В.А. Избранные педагогические сочинения в 3-х томах. Т. 2 / В. А. Сухомлинский. – М.: Педагогика, 1981. – 388 с.
73. Томашевский, Ю. В. Зощенко, который не смеялся / Ю. В. Томашевский // Литература. – 1993. – № 28. – с. 9
74. Томашевский, Ю. В. Лицо и маска Михаила Зощенко. – М.: Олимп, 1994. – 365 с.
75. Томашевский, Ю. Неизвестный Зощенко: Вступ. ст. // Зощенко М. Рассказы и фельетоны. – Саратов, 1988. – С. 66–67
76. Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка: в 4-х т. / Под ред. Д.Н. Ушакова. – М.: Советская энциклопедия: ОГИЗ, 1935-1940.
77. Фоменко, Ю. В. Типы речевых ошибок. – Новосибирск: НГПУ, 1994. – 60 с.
78. Цейтлин, С.Н. Речевые ошибки и их предупреждение. – М.: Просвещение, 1982. — 128 с.
79. Чудакова, М. О. Поэтика Михаила Зощенко / М. О. Чудакова. – М.: Наука, 1979. – 204 с.
80. Чуковский, К. И. Дневник (1901 – 1969). Т.1. – Изд. Советский писатель, 1991. – 109 с.
81. Чуковский, К. И. Дневник (1930 – 1969). М., 1995.
82. Ширяев, Е. Н. Что такое культура речи / Е. Н. Ширяев // Мы сохраним тебя, русская речь. – М.: Наука, 1995. – с. 10
83. Шкловский, В. В. Гамбургский счет. Статьи – воспоминания – эссе (1914–1933) / В. В. Шкловский. – М., 1990. – С. 58–72
84. Щерба, Л.В. Очередные проблемы языкознания // Языковая система и речевая деятельность. – Л.: Наука, 1974. – 180 с.

ПРИЛОЖЕНИЕ А

Таблица 1

Виды речевых ошибок по Ю. В. Фоменко

Правила языка	Типы ошибок
Правила произношения	Произносительные ошибки
Лексика	Лексические
Фразеология	Фразеологические
Морфология	Морфологические
Синтаксис	Синтаксические
Орфография	Орфографические
Пунктуация	Пунктуационные
Стилистика	Стилистические

ПРИЛОЖЕНИЕ Б

Методическая разработка плана-конспекта интегрированного урока русского языка и литературы в 10 классе на тему «Языковые особенности сатирических произведений М. М. Зощенко»

Тема урока: «Языковые особенности сатирических произведений М. М. Зощенко 20-30-х годов»

Класс: 10

Цель урока: познакомиться с особенностями сатирических рассказов Зощенко через анализ речевых характеристик зощенковских героев.

Задачи:

- сформировать представление об эпохе 20-30-х годов XX века, о языке рассказов М. М. Зощенко и его особенностях;
- совершенствовать умение анализа литературного произведения через речевые характеристики героев; развивать речевую грамотность;
- воспитывать нравственно-эстетические качества личности; формировать бережное отношение к русской культуре и русскому языку.

Тип урока: интегрированный урок «открытия» нового знания

УУД:

Личностные:

Положительно относится к учению, познавательной деятельности; желает приобретать новые знания, умения, совершенствовать имеющиеся.

Регулятивные: принимает и сохраняет учебную задачу; планирует (в сотрудничестве с учителем и одноклассниками или самостоятельно) необходимые действия, операции, действует по плану.

Познавательные: осознает познавательную задачу, читает и слушает, извлекает нужную информацию а также самостоятельно находит ее в материалах учебника, рабочих тетрадях.

Коммуникативные: строит монологические высказывания, осуществляет совместную деятельность в парах и рабочих группах с учетом конкретных учебно-познавательных задач.

Оборудование: мультимедиа-проектор, презентация, тексты рассказов Зощенко.

Кол-во часов на тему: урок рассчитан на 2 часа; данный урок входит в систему занятий раздела «Лексика и фразеология».

Этап урока	Содержание	УУД
1. Этап мотивации	<p>1. <u>Приветствие</u></p> <p>-Добрый день, ребята! Сегодня у нас состоится необычное занятие в форме интегрированного урока. Кто-то знает, какой урок называется интегрированным или бинарным? Вы уже знакомы с такими формами уроков? (учащиеся отвечают).</p> <p>- Сегодня на уроке мы будем получать и совмещать знания в области русского языка и литературы.</p> <p>2. <u>Работа с эпиграфом.</u></p> <p>Сейчас я предлагаю вам обратить внимание на эпиграф к уроку и обсудить его:</p>	<p><u>Личностные:</u></p> <ul style="list-style-type: none"> - формирование внутренней позиции школьника (по заданному вопросу) -личностная мотивация к обучению (желание изучать заданную тему) <p><u>Познавательные</u></p> <ul style="list-style-type: none"> -Строить рассуждения

	<p>«Зощенко был создателем новой формы, совершенно нового мышления в литературе, показавшего новые возможности слова. Это не свидетель, а судья, судья времени».</p> <p style="text-align: right;"><i>В.Шаламов</i></p> <p>- Как вы понимаете смысл данного высказывания?</p> <p>3. <u>Сообщение</u> темы урока</p> <p>-Обратите внимание на тему урока: «Языковые особенности сатирических произведений М. М. Зощенко 20-30-х годов». Исходя из данной формулировки темы, как вы думаете, какие знания мы сегодня будем получать?</p>	
<p>2. Актуализация знаний; целеполагание</p>	<p>1. <u>Актуализация знаний</u></p> <p>- Из курса литературы вам уже знакомо творчество Зощенко и его специфические черты. Назовите их. (Ответ учащихся группируется в кластер).</p> <p>2. <u>Слово учителя о Зощенко</u></p> <p>- При знакомстве с творчеством Зощенко, мы с вами уже говорили о том, что его произведения -</p>	<p><u>Регулятивные:</u></p> <p>- целеполагание (постановка учебной задачи на основе соотнесения того, что уже известно и усвоено учащимися, и того, что ещё неизвестно).</p> <p>- планирование (составление плана и последовательности действий).</p>

	<p>самобытное явление в русской литературе. Писатель по-своему увидел некоторые характерные процессы современной ему действительности, вывел под слепящий свет сатиры галерею персонажей, породивших нарицательное понятие «зощенковский герой». Находясь у истоков советской сатирико-юмористической прозы, он выступил создателем оригинальной комической новеллы, продолжившей в новых исторических условиях традиции Гоголя, Лескова, Чехова. Наконец, Зощенко создал свой, совершенно неповторимый художественный стиль и язык.</p> <p>Поэтому, в рамках раздела «Лексика и фразеология» мы говорим об особом языке произведений М.Зощенко, анализируем составляющие его языковые единицы.</p> <p>-Исходя из сказанного, попробуйте определить цель нашего урока (сформировать представление об эпохе 20-30-х годов XX века и выявить художественное своеобразие языка</p>	<p><u>Личностные:</u></p> <p>-личностная мотивация к обучению (желание разобраться в проблеме)</p>
--	--	---

	<p>сатирических рассказов Михаила Зощенко).</p> <p><u>3. Этапы работы на уроке (прием «цепочка»)</u></p> <p>-Давайте подумаем, какие этапы работы на уроке нам нужно выполнить? (дать культурно-историческую справку об эпохе 20-30-х годов в России – выявить языковые особенности сатирических рассказов Зощенко на примере конкретных текстов – закрепить полученные знания).</p>	
<p>3. Открытие нового знания</p>	<p>-Итак, когда цели и задачи урока ясны, предлагаю приступить к работе.</p> <p>1. <u>«Историки»</u></p> <p>Учитель: - М. Зощенко жил в уникальной стране, и его нравственное, гражданское формирование как сатирика пришлось на послереволюционное время. Мы знаем, что писатель и эпоха неделимы. Давайте вспомним время, в которое жил Михаил Зощенко. (Это нам помогут сделать «историки» (заранее подготовленные ученики*).</p> <p>*культурно-историческая справка «Эпоха 20-30-х годов XX века – время</p>	<p>Коммуникативные</p> <p>- Слушать и слышать других, пытаться принимать иную точку зрения, быть готовым корректировать свою точку зрения.</p> <p>Регулятивные</p> <p>- контролировать процесс и результаты деятельности, вносить необходимые коррективы;</p> <p>Познавательные</p> <p>- устанавливать причинно-следственные связи, делать обобщения,</p>

	<p>расцвета творчества Михаила Зощенко»</p> <p>2. <u>Работа со справочными материалами. «Историки» и «лингвисты»</u></p> <p>- Какое ключевое историческое событие приходится на время расцвета творчества писателя?</p> <p>*историческая справка о НЭПе</p> <p>- Культура эпохи НЭПа тоже была особой</p> <p>*историческая справка</p> <p>- Добавим к вышесказанному видеоряд</p> <p>* слайды об эпохе 20-30-х годов (архитектура, коммунальные квартиры, пролеткульт, Окна РОСТА, живопись)</p> <p>3. <u>Определение особенностей творчества М. Зощенко</u></p> <p>Учитель: В это время большую роль для общества играла сатира. Да, именно сатира позволила осознать это постреволюционное время, время людей,</p>	<p>выводы</p> <p>- читать и слушать, извлекая нужную информацию, а также самостоятельно находить её в имеющихся материалах.</p>
--	---	---

	<p>отрекшихся от прошлого, но еще не шагнувших в будущее и не прижившихся в настоящем. Они – жертвы культурной революции. Именно о них пишет в своих рассказах М.Зощенко особым, «обезьяньим», как он скажет потом, языком.</p> <p>Эпиграф 2 (на слайде): <i>«Я почти ничего не искажаю. Я пишу на том языке, на котором сейчас говорит и думает улица».</i></p> <p style="text-align: right;"><i>М.Зощенко</i></p> <p>- Язык рассказов Зощенко был собирательным, он вобрал в себя всё самое характерное, яркое из простого языка масс и в отжатом концентрированном виде представлен читателю. Точную характеристику языка зощенковского героя дал К.И.Чуковский: <i>«...канцелярские штампы, фразеология нового времени, дурно понятые иностранные слова, идиотические повторы одного и того же слова, вывихи синтаксиса, опухоли словаря, косноязычие, неуклюжесть, бедность мещанского жаргона».</i></p> <p>- Мы с вами знакомы с</p>	
--	---	--

	<p>этими понятиями раздела «Лексика и фразеология». К ним добавим просторечия, жаргонизмы, вульгарные, бранные слова и неологизмы.</p> <p>*лингвистическая справка</p> <p>(*справки – см. приложение)</p> <p>4. <u>Анализ рассказов Зоценко «Аристократка», «Нервные люди», «Обезьяний язык» с точки зрения речевых неправильностей.</u> (Индивидуальная и групповая работа)</p> <p>- Сегодня мы с вами анализируем язык рассказов Зоценко, используя художественные тексты. Итогом этой работы станет заполнение вами таблицы «Языковые средства в сатирических рассказах М.Зоценко.</p> <p>-Дома вы должны были прочитать и вспомнить рассказы «Аристократка», «Нервные люди», «Обезьяний язык». Сейчас вы делитесь на три группы, каждой из которой мы предлагаем наиболее яркий фрагмент из рассказа</p>	
--	---	--

	<p>Зощенко с точки зрения языковых особенностей (1 группа – «Аристократка», 2 группа – «Нервные люди», 3 группа – «Обезьяний язык»). Ваша задача – сделать пометки на полях: подчеркнуть или выписать характерные языковые средства языка Зощенко. Такой прием работы с текстом называется инсерт, или пометки на полях. Они станут материалом для заполнения таблицы. Для того, чтобы правильно выделить речевые характеристики героев, в помощь каждой группе выдается классификация речевых ошибок в рассказах Зощенко (по классификации В. Ю. Фоменко). Но для начала, давайте познакомимся с предложенной классификацией, вспомним разделы русского языка и ошибки, связанные с их нарушениями (работа с классификацией, комментирование учителем) См. таблицу 1.</p>	
<p>4. Первичное закрепление</p>	<p>1. <u>Заполнение таблицы в группах</u></p> <p>- Таблица перед вами. Используя пометки на полях, вы помещаете в</p>	<p><u>Познавательные:</u></p> <p>- структурирование знаний;</p> <p>- осознанное и произвольное</p>

	<p>колонки языковые средства из каждого рассказа, а после завершения презентуете результат своей работы.</p> <p>*заполнение таблицы (См.приложение).</p> <p>2. <u>Представление результатов работы группами</u> + <u>дополнение недостающей информации</u> в <u>таблицах с помощью учителя</u></p>	<p>построение речевого высказывания в устной и письменной форме;</p> <p>- установление причинно-следственных связей;</p> <p>- построение логической цепи рассуждений;</p>
<p>5. Рефлексия. Анализ результатов урока</p>	<p>- Назовите основные особенности сатирических рассказов Зощенко. Какие речевые ошибки вы сегодня научились выявлять? Почему герои зощенковских произведений говорят на «обезьяньем» языке?</p> <p>+ Рефлексия «Телеграмма» (Кратко написать самое важное, что уяснил с урока с пожеланиями соседу по парте и отправить (обменяться)).</p>	<p>Личностные</p> <p>- формирование собственной позиции в соответствии с моральными и духовно-нравственными ориентирами</p> <p>Регулятивные</p> <p>- подведение итогов урока</p> <p>Познавательные</p> <p>-устанавливать причинно-следственные связи, делать обобщения, выводы</p>
<p>6. Домашнее задание</p>	<p>Прочитать любой сатирический рассказ Зощенко 20-30-х годов и найти в нем речевые</p>	<p><u>Познавательные:</u></p> <p>-осознанное и произвольное построение речевого высказывания в</p>

	ошибки.	устной и письменной форме; - установление причинно-следственных связей; <i>Личностные</i> - формирование собственной позиции в соответствии с моральными нормами и духовно-нравственными ориентирами
7. Оценки за урок		

Приложение к конспекту урока:

*Пример исторической справки

Завершившаяся в 1921г гражданская война упрочила советскую власть. Политические противники были повержены, но страну охватил глубокий кризис, затронувший все стороны жизни: экономику, социальные отношения, административное управление государством. Хозяйственная жизнь страны находилась в глубоком упадке. Еще более тяжело политика «военного коммунизма» сказалась на сельском хозяйстве, на положении крестьянства.

8 марта 1921г начал свою работу X съезд ВКП (б). В центре его внимания – введение новой экономической политики в стране (НЭП). НЭП был призван укрепить социальную основу советской власти – союз рабочих и крестьян, вывести страну из разрухи, восстановив промышленность.

В целом НЭП имел относительный успех. Проведение новой экономической политики позволило достигнуть в 1926г довоенного уровня промышленного развития, преодолеть разруху в стране.

НЭП позволил открыть частную торговлю, развить кооперацию и бытовые услуги для населения (парикмахерские, рестораны, швейные мастерские и т.п.). Проведена реформа оплаты труда – введена тарифная сетка. Появились частные и кооперативные банки, проведена денежная реформа. Проблема жилья частично была решена заселением в коммунальные квартиры.

В новых условиях важнейшей целью большевиков было создание «нового человека», не последнюю роль играла культура тех лет. «Даешь культуру массам!» - основной лозунг тех лет. Революционный взрыв был воспринят как возможность реализовать футуристические представления о назначении искусства. Новые принципы искусства проявили себя во всех видах: архитектура, скульптура, живопись и, конечно же, литература.

В 1920-е годы в советской литературе небывалого расцвета достигла политическая, бытовая, литературная сатира. В области сатиры присутствовали самые разные жанры – от комического романа до эпиграммы. Число выходивших тогда сатирических журналов достигало несколько сотен. Ведущей тенденцией стала демократизация сатиры. «Язык улицы» хлынул в изящную словесность благодаря наиболее значительным представителям сатиры тех лет: В.Катаев, М.Зощенко, И.Ильф, Е.Петров.

*Пример лингвистической справки

- Сатира – обличение людских пороков и недостатков жизни, отрицательных явлений действительности.
- Идеология – система взглядов, идей, характеризующих какую-либо социальную группу, класс, политическую партию.

- Сказ – одна из форм прозаического повествования, «которая по своей лексике, синтаксису и подборе интонаций обнаруживает установку на устную речь рассказчика».
- Просторечие – это речь неграмотных или малограмотных слоев городского населения.
- Жаргонизмы – это условные наименования, которые приняты в определенной профессиональной, социальной, возрастной группе.
- Вульгарные, бранные слова – внелитературные языковые единицы, используемые в репликах персонажей определенного социального типа.
- Неологизмы – слова, появляющиеся при заимствовании, в процессе словообразования или при переосмыслении значений слов в новых исторических условиях.

*Таблица

Предмет исследования	Рассказ «Аристократка»	Рассказ «Нервные люди»	Рассказ «Обезьяний язык»
Языковые Средства			
1. Орфоэпические ошибки			
2. Лексические ошибки			
3. Фразеологические ошибки			
4. Морфологические ошибки			
5. Синтаксические ошибки			
6. Стилистические ошибки			